

Александр Михайловский
Александр Харников

РАНДЕВУ С "ВАРЯГОМ"

Рандеву с "ВАРЯГОМ" - 1

Александр Борисович Михайловский
Александр Петрович Харников
Рандеву с «Варягом»
Серия «Ангелы в погонах»
Серия «Рандеву с «Варягом»», книга 1

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66116392
Рандеву с «Варягом»: Avtorskie-txt;

Аннотация

Российская эскадра, вышедшая в конце 2012 года к берегам Сирии, неожиданно оказалась в 1904 году неподалеку от порта Чемульпо, где в смертельную схватку с японской эскадрой вступили крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Наши моряки не могли остаться в стороне, ведь «русские на войне своих не бросают».

На кораблях эскадры объявлена боевая тревога, в воздух взмывают вертолеты ДРЛО. Совершив вероломное нападение без объявления войны, японцы первыми развязали войну без правил. Ответный удар русских из будущего на полное уничтожение агрессора был страшен. А потом, как это бывает у нас, у русских: «кто не спрятался – я не виноват».

Это вмешательство и последующие за ним события послужили к изменению хода не только русско-японской войны, но и хода всей мировой истории, и чтобы узнать, как это было, читайте эту и последующие книги серии «Рандеву с Варягом».

Содержание

Часть 1. Один день в Чемульпо	5
Часть 2. Порт-Артурский рассвет	112
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Александр Михайловский, Александр Харников Рандеву с «Варягом»

Часть 1. Один день в Чемульпо

Нигде и никогда, вне времени и пространства

ГОЛОС звучал, перекатываясь в головах людей громовыми волнами.

– Службе Обеспечения Эксперимента приступить к созданию темпоральной матрицы!

– Докладывает Служба Обеспечения Эксперимента. Сканирующая линза создана, процесс обнаружения и локализации объектов запущен. – После длящейся вечность паузы, заполненной стуком метронома, ГОЛОС продолжил: – Обнаружено и локализовано шестнадцать надводных и два подводных объекта, объекты в воздухе отсутствуют. Приступаю к процессу сканирования. Десять... двадцать... пятьдесят... восемьдесят... сто... Сканирование завершено, матрица сформирована.

– Службе Обеспечения Эксперимента приступить к трас-

сировке темпоральных узлов-реципиентов.

– Докладывает Служба Обеспечения Эксперимента. Трасировка темпоральных узлов инициирована. Первый доступный узел-реципиент – 4 января 1942 года от рождества Христова, координаты: сорок четыре дробь тридцать один в Гринвичской системе координат. Второй доступный узел-реципиент – 11 октября 1917 года, координаты пятьдесят девять дробь двадцать. Третий доступный узел-реципиент – 9 февраля 1904 года, координаты тридцать семь дробь сто двадцать пять. Четвертый доступный узел-реципиент – 5 июня 1877 года, координаты тридцать девять дробь двадцать пять... Остальные энергетически доступные темпоральные узлы-реципиенты заблокированы логическими запретами первого и второго уровней.

– Выявленные темпоральные узлы-реципиенты санкционированы, Службе Обеспечения Эксперимента приступить к процессу копирования матрицы.

– Служба Обеспечения Эксперимента к процессу копирования матрицы приступила. Первая копия – готово, копирование успешно! Вторая копия – готово, копирование успешно! – ГОЛОС хихикнул и в манере хорошо вышколенной стюардессы продолжил: – Дамы и господа, а также товарищи! Наш рейс прибыл в 1904 год, за бортом 9 февраля по григорианскому календарю, позиция – сто сорок километров восточнее порта Чемульпо. Местное время – ровно полдень. Командир корабля и экипаж прощаются с вами и просят со-

хранять спокойствие и мужество. О своих семьях не беспокойтесь, о них позаботятся ваши Оригиналы. – ГОЛОС посуловел. – Делайте что должно – и да свершится что суждено! Аминь!

Узел третий, день Д. 9 февраля (27 января) 1904 года. Желтое море, 140 километров западнее порта Чемульпо

Полдень. Над волнами Желтого моря медленно расплзается линзообразное облако грязно-желтого тумана. Вот его стало сносить в сторону под резким и порывистым восточным ветром. Тут не было посторонних глаз, которые могли бы увидеть, как на только что пустой глади моря из тумана невесть откуда появились корабли под андреевскими флагами. Много кораблей – эскадра или даже флот...

12:01. ГКП ТАКР «Адмирал Кузнецов»

– Твою мать! – изумленно выругался контр-адмирал Ларионов, оглядываясь вокруг.

Ему было прекрасно известно и это место, и это время. Словно кто-то вложил в его голову знание об этом. Но удивляться произошедшему не было времени. Прямо сейчас в шестидесяти пяти милях отсюда крейсер «Варяг» вел свой

смертный бой. Он пытался вырваться из мышеловки, пробиваясь через многократно превосходящие силы противника.

Глубоко вздохнув, контр-адмирал поднес микрофон к губам.

– В связи с переносом соединения в 1904-й год образовалось состояние войны с Японской империей, – сказал он. – Объявляю военное положение. Боевая тревога! «Москве» поднять в воздух вертолет ДРЛО. Выяснить обстановку, привязаться к ориентирам и доложить. – Ларионов стер со лба внезапно выступивший пот. – Соединению курс Ост, скорость пятнадцать узлов...

Он повернулся он к командиру авианесущего крейсера.

– Антон Иванович, – сказал он, превозмогая волнение. – МиГи в ангар, и поднимайте вертушки спецгруппы, для них сейчас основная работа будет. Да, и еще... Быстро доставьте сюда, на «Кузнецов», со «Смольного» группу Бережного, группу Антоновой, да и, пожалуй, всех журналистов. – Он задумчиво прищурился и, едва заметно вздохнув, добавил: – Дела завертываются непростые и крайне интересные... так что пусть будут под рукой.

– А может, все-таки стоит поднять дежурную пару в воздух... – попытался возразить капитан 1-го ранга Андреев.

– Нет, – отрезал контр-адмирал, – в этом году авиации противника нет. – Он как-то невесело усмехнулся и тихо добавил: – и даже не предвидится...

– Эфир чист, – будто подслушав разговор, доложил ко-

мандир БЧ-4 авианесущего крейсера; голос его звенел каким-то удивленным воодушевлением. – Слышны только грозовые разряды, сиречь помехи. . .

– Вот видите, – кивнул контр-адмирал, – выполняйте и не сомневайтесь. Авиакрылу на такой дистанции делать нечего, а вот вертушки весьма пригодятся. . . Пока распорядитесь подготовить к вылету один Су-33 в комплектации разведчика. Отправим его в воздух чуть попозже, когда разберемся с местными делами.

12:05. Внешний рейд Чемульпо. Крейсер 1-го ранга Российского Императорского флота «Варяг»

Первый же японский снаряд попавший в крейсер, разрушил правое крыло переднего мостика, от чего возник пожар в штурманской рубке и были перебиты фок-ванты. На боевом посту погиб младший штурман – мичман граф Алексей фон Нирод, определявший расстояние до японских кораблей, и была полностью уничтожена дальномерная станция № 1.

В дальнейшем японские снаряды стали попадать в русский крейсер все чаще. Те снаряды, что давали недолеты, из-за чрезвычайно чутких взрывателей разрывались при ударе о воду, осыпая все вокруг тучами мелких осколков. Небронированные надстройки и шлюпки превратились в решето

под этим железным дождем. Восьмидюймовый снаряд разбил шестидюймовое орудие № 3, вся орудийная прислуга погибла или получила ранения. Был тяжело ранен командир plutонга мичман Губонин, который продолжал командовать орудиями, отказываясь идти на перевязку. От разорвавшегося на палубе снаряда вспыхнули сложенные на шканцах 47-миллиметровые патроны с бездымным порохом. Горел деревянный палубный настил, а также вельбот № 1. Последующими попаданиями были подбиты шестидюймовые орудия № 8 и № 9 и 75-миллиметровое орудие № 21, 47-миллиметровые орудия № 27 и 28. Другие попадания почти снесли боевой грот-марс и уничтожили дальномерную станцию № 2. На жилой палубе возник пожар, который с трудом удавалось сдерживать. Горели матросские рундуки.

На траверзе острова Идолми попаданием восьмидюймового снаряда, выпущенного с «Асамы», на Варяге перебило бронированную трехдюймовую трубу, по которой проходил электропривод руля. Почти одновременно с этим шестидюймовый снаряд разорвался у фок-мачты. Через открытый проход в броневую рубку залетели осколки. Касательное ранение в голову, отягощенное контузией, получил командир крейсера капитан 1-го ранга Руднев. Наповал убило стоявших по обе стороны от него штаб-горниста и барабанщика. Тяжелое ранение в спину получил стоявший на штурвале рулевой старшина Снегирев, ординарца командира квартирмейстера Чибисова ранило в руку. Управление крейсером

было перенесено в румпельное отделение. Но, несмотря ни на что, русский крейсер продолжает двигаться вперед.

Противник уже на траверзе. Еще немного – и... Действия русской мини-эскадры изрядно сковывает канонерская лодка «Кореец», полный ход которой не превышал одиннадцати узлов. Но русские своих не бросают – и самый быстроходный, и самый тихоходный корабли Тихоокеанской эскадры вынуждены прорываться вместе. Отдельное спасибо за это начальнику штаба Наместника Дальнего Востока контр-адмиралу Витгефту. Вот уж напланировал так напланировал!

12:12. ГКП ТАКР «Адмирал Кузнецов»

– Видим бой! – доложили с подпрыгнувшего на трехкилометровую высоту вертолета ДРЛО Ка-31. – Все как по учебнику, товарищ контр-адмирал! «Варяг» весь в огне, ведет бой. У японцев один крейсер тоже хорошо горит, остальные почти не тронуты. Шестеро против одного, товарищ контр-адмирал.

– Отставить слюни! – рявкнул Ларионов. – «Вулкан» на «Асаму» навести сможете?

– Так точно, товарищ контр-адмирал! – обрадовано воскликнул командир экипажа. – А ну-ка, Петрович, – это он сказал уже, видимо, оператору, – дай-ка нашей «Москве» целеуказание на эту стерву...

Ларионов кивнул сам себе и произнес в микрофон:

– Крейсеру «Москва» – одиночный пуск ПКР П-1000 «Вулкан», цель – броненосный крейсер «Асама».

– Товарищ контр-адмирал, а может, подойдем поближе... – попытался возразить командир Москвы капитан 1-го ранга Остапенко.

– Нет! – резко ответил тот, – там каждую секунду убивают русских людей, и этот Бен-Ладен японского разлива – главный убийца. Только ты можешь его срезать сразу и навсегда. Действуй!

– Есть уничтожить «Асаму», товарищ контр-адмирал! – ответил Остапенко и отключился.

Контр-адмирал Ларионов на секунду прикрыл глаза, размышляя: «Сметливый» выпустит по одному «Урану» по крейсерам «Нанива» и «Ниитака». «Ярослав Мудрый» – по одному пуску для «Такачихо» и «Акаси». «Ушакову» – курс на Чемульпо, обороты полные... Оказать поддержку «Варягу», действовать по обстановке. «Североморску», «Калининграду», «Шабалину», «Новочеркасску» и «Саратову» – следовать туда же. Скорость – семнадцать с половиной узлов. БДК высаживают десант. Задача десанта – уничтожить японских интервентов, и в дальнейшем выдвинуться в сторону Сеула. БПК прикрывает десантную операцию. Стационары там всякие стоят. Если что, случайная торпеда в борт ликвидирует проблему. Вместе с ними выдвигаются «Алтай» – с задачей оказать команде Варяга помощь в борьбе за живучесть, и плавучий госпиталь «Енисей»...

Тем временем на «Москве» откинулась крышка одного из пусковых контейнеров, и оттуда со страшным грохотом вылетела сама «Госпожа Смерть» – то есть ракета П-1000 «Вулкан». За считанные секунды мчащаяся над водой пятитонная махина разогнала до скорости в два Маха. Импульсы системы целеуказания, поступающие с вертолета ДРЛО, надежно вели ее к цели.

Проводив взглядом внезапно оборвавшийся дымный след стартового ускорителя, адмирал Ларионов продолжил:

– Задача для «Сметливого» и «Ярослава Мудрого» – поиск и уничтожение японских транспортов с десантом, которые ожидают исхода боя юго-западнее Чемульпо. Скорость максимальная, действовать решительно и беспощадно. Японцы сами себе придумали эту войну. Там должна быть авизо «Чихайя», и ее тоже забывать не надо. Вспомогательные суда в сопровождении «Москвы», «Кузнецова» и подлодок следуют туда же пятнадцатиузловым ходом...

«Вулкан» несся к цели над самой водой, каждые три секунды глотая по миле. Примерно на полпути головка самонаведения устойчиво захватила цель – и душа ракеты, вложенная в нее разработчиками и заводскими инженерами, возродилась. Ей предложили в качестве цели не надувной макет, в просторечии именуемый «гондон», а самый настоящий боевой корабль врага, с самой настоящей шевелящейся внутри протоплазмой... Значит, все не зря! Не зря ее делали на заводе, хранили в темном и тесном контейнере. Не зря она

вылетела в этот свой первый и последний полет... А раз все не зря – значит, и она постарается сделать все как надо.

9 февраля (27 января) 1904 года, 12:15. Внешний рейд Чемульпо Крейсер 1-го ранга Российского Императорского флота «Варяг»

Страшный удар в корму – и крейсер повалился на правый борт в неконтролируемой циркуляции. Все, что было не закреплено, с грохотом покатило по палубе. «Варяг» несло навстречу японцам. Машинный телеграф был переброшен на «полный назад», но махину в пять с половиной тысяч тонн так просто было не остановить.

Контр-адмирал Уриу скомандовал поворот вправо, решив, что русский крейсер, продавая подороже свою жизнь, идет на таран. Но от того, что японцы отвернули, «Варягу» легче не стало. Расстояние сократилось почти вдвое. Попадания участились. Команда отчаянно боролась за жизнь своего корабля. Артиллеристы левого, неподбойного борта, где были исправны все орудия, готовились открыть огонь по врагу. Одно плохо: уходя от предполагаемого тарана, японские крейсера показали «Варягу» корму. Наиболее близко, кабельтовых в двадцати от него, находилось два крейсера: «Нанива», двадцатилетний ветеран японского флота, на котором держал флаг контр-адмирал Уриу, и новейший, только две недели назад вступивший в строй «Ниитака». Положение их

было таково, что по «Варягу» могли стрелять только кормовые орудия. Десятью кабельтовыми дальше и немного левее находилась пара броненосных крейсеров: тяжелый «Асама», ставший родоначальником крейсеров подобного класса в просторечии называемых «асамоидами», или броненосцами третьего ранга. В кильватер «Асаме» шел первенец японского броненосного флота – старый крейсер «Чиода», уже получивший несколько снарядов с «Варяга».

Наиболее опасна для «Варяга» была двух орудийная восьмидюймовая кормовая башня «Асамы», чьи фугасные снаряды и нанесли крейсеру наибольшие повреждения. Пара легких бронепалубных крейсеров – «Акаси», тип «Сума», и «Такачихо» типа «Нанива» – находились в отдалении, кабельтовых в пятидесяти пяти. То есть в бою фактически не участвовали. Молодой и неопытный командир «Акаси» капитан 2-го ранга Миядзи Садатоки вместо правой циркуляции заложил левую. Из-за чего курс «Акаси» и «Такачихо» должен был дважды пересечься с курсом «Асамы» и «Чиоды».

Неожиданно из-под правой скулы «Асамы», с противоположной от «Варяга» стороны, беззвучно, как в немом кино, в небо взметнулся столб буро-желтого дыма. Секунду спустя там возникла стена ревушего, ярко-желтого пламени и полыхнул второй взрыв, многократно сильнее первого. Угольно-черный шимозный дым шапкой накрыл корабль почти до самой кормовой башни. Секунд через пятнадцать докатил-

ся грохот взрыва... На «Варяге» затаив дыхание наблюдали, как, обнажив перо руля и бешено вращающиеся винты, в небо задралась корма японского карманного броненосца. А потом, то, что осталось от его носовой части, ударилось о песчаное дно. «Асама» резко повалился на правый борт, и в таком положении лег на дно. Поскольку глубина бухты в этом месте была меньше ширины корпуса, то левый борт на два-три метра остался над поверхностью воды. Это спасло жизнь многим членам команды.

Никто не понял, что стало причиной гибели «Асамы». Для всех сторонних наблюдателей все выглядело как самодетонация шимозных снарядов из боекомплекта носовой башни. Зная коварное свойство этой взрывчатки, можно было ожидать от нее всяких пакостей.

На самом же деле случилось вот что: противокорабельная ракета П-1000 «Вулкан» ударила свою жертву в правую скулу, между форпиком и носовой башней. Кумулятивная струя, созданная взрывом полутонны «морской смеси», как бумагу пробил бронепояс, внутренние перегородки, пороховой и снарядный погреба – и, ослабнув, дотянулась до котельного отделения. Температура в отсеках, оказавшихся на пути огненной волны, поднялась до тысячи двухсот градусов Цельсия. На «Асаве» была принята английская картузная система зарядания. Она, конечно, избавляет от стреляных гильз, но если вспыхнет порох... Вот откуда то ярко-желтое пламя, которое вырвалось в первые секунды после попада-

ния из всех щелей в носовой части крейсера. Немного спустя инициативу поддержали шимозные снаряды в снаряжном погребе. У крейсера по линии носовой башни оторвало носовую часть, и в гигантскую пробоину внутрь корпуса врывался ревущий поток воды, выгибающий переборки, словно они были сделаны не из стали, а из картона, снося при этом клинкетные двери. Дело усугублялось пятнадцатиузловым ходом, усилившим давление воды на и так ослабленные взрывом конструкции крейсера. Все – душа ракеты могла быть спокойной: она выполнила свое предназначение, сделав все наилучшим образом...

После нескольких секунд гробового молчания команда «Варяга» взревела от ярости и восторга. Вопли моряков не были похожи на традиционное «ура». Слишком велико было ожесточение боя – и люди, словно в их тела вселились души первобытных предков, диким ревом приветствовали страшную гибель врага. Раненый и контуженый капитан 1-го ранга Руднев приподнялся, опираясь на плечо своего ординарца Чибисова. Он не верил своим глазам: несколько мгновений сражения – и вот по реке времени мимо тебя «проплывает труп твоего врага».

Но ничего еще не было кончено для «Варяга». Командирами японских крейсеров теперь владела только одна мысль – отомстить! Японские бронепалубники, еще недавно стремившиеся отойти на безопасное расстояние, стали разворачиваться в сторону «Варяга». Но на самый быстрый разворот

бронепалубному крейсеру надо не менее восьми минут. И этого времени у них не оказалось. «Ураны» отстали от «Вулкана» всего на три с половиной минуты... И застали японцев врасплох.

Все глаза были устремлены на «Варяг», и до первого взрыва японцы на крейсерах даже не подозревали, что их сейчас начнут убивать. Однако подлетающие «Ураны» смогли хорошо разглядеть на японских миноносцах. Эти сигарообразные снаряды с крыльями были чем-то похожи на летящие по воздуху мины Уайтхеда. Рыская в полете словно гончие, несущиеся за добычей, они навели мистический ужас на японцев. Ведь не может же созданный руками человека снаряд сам искать цель – тут явно было дело рук могучих колдунов!

Тем временем быстрые как молнии летучие демоны приближались к японским крейсерам. Командир 14-го отряда миноносцев капитан-лейтенант Сакураи в бессильной ярости сжал кулаки. Он велел стрелять по этим творениям гайдзинов из 47-миллиметровых пушек, но пока матросы бежали к орудиям, крылатые молнии просвистели мимо, не обратив внимания на такую мелочь, как 152-тонные миноносцы.

Противокорабельная крылатая ракета «Уран» имеет дальность полета до 260 километров, а также турбореактивный двигатель работающий на керосине, скорость полета 300 метров в секунду и боевую часть в 145 килограмм весом...

Рассчитана она на поражение надводных кораблей до 5000 тонн водоизмещением. Самые крупные из их целей – «Нанива» и «Такачихо» – имели в полтора раза меньшее водоизмещение, 3660 тонн.

На «Варяге» открыли по приближающимся японцам белый огонь, и поэтому не заметили подлетающих снарядов. Зато не разглядеть четырех сильных взрывов, почти одновременно громыхнувших на японских кораблях, было невозможно. Старший артиллерийский офицер «Варяга», лейтенант Зарубаев, сдвинул на затылок покрытую копотью некогда щегольскую фуражку и вытер рукавом кителя взмокший, покрытый разводами сажи лоб.

– Господа! – почти простонал он. – Я решительно ничего не понимаю – опять, как с «Асамой», с неподбойного борта?!

Крейсер «Акаси» после попадания ракеты и последовавшего за этим взрыва котлов разломился пополам почти мгновенно. Сейчас над водой торчали лишь его мачты и верхушки дымовых труб. «Наниву» «Уран» ударил под переднюю рубку. Контр-адмирал Уриу и его штаб погибли в одну секунду. А в пробоину, через которую, наверное, мог бы проехать паровоз, уже чудовищным потоком вливалась вода. На месте, где менее минуты назад был крейсер «Такачихо», сейчас плавали какие-то обломки и виднелись головы тонущих японских моряков. «Ниитака» села на грунт, и над поверхностью воды торчали две ее мачты и три трубы. Только «Чиода» продолжала приближаться к «Варягу» четырнадца-

тиузловым ходом.

«Кореец» лихо завершил циркуляцию, и оказался у борта «Варяга». Для «Чиоды» попытка в одиночку атаковать русские корабли превратилась в утонченный вид самоубийства. На пятнадцати кабельтовых русский огонь стал точным, а на десяти – просто убийственным. А ведь для того, чтобы выпустить в «Варяг» мины Уайтхеда, надо было подойти на расстояние пяти кабельтовых и повернуться бортом. Два выпущенных почти в упор восьмидюймовых снаряда с «Корейца» разворотили борт японского крейсера в районе бака. На «Чиоде» была сбита дымовая труба, а ее обломки упали в машинное отделение. Жирный черный угольный дым тяжелой пеленой стал расползаться по палубе, душа экипаж крейсера. Ход упал до трех-пяти узлов. Не дойдя до «Варяга» семи кабельтовых, «Чиода» стала быстро садиться носом и крепиться на левый борт. Через несколько минут крейсер перевернулся.

Японские миноносцы стайей волков кружили рядом с потерявшим управление русским крейсером. Атаковать среди бела дня хоть и поврежденный, но не потерявший возможности вести огонь «Варяг» было самоубийственной затеей. К командиру 9-го отряда капитану 2-го ранга Ядзиме и к командиру 14-го отряда миноносцев капитан-лейтенанту Сакураи почти одновременно пришла в голову одна и та же мысль. Не сговариваясь, они отдали команды, и миноносцы их отрядов стали перестраиваться, чтобы, разойдясь по ши-

рокой дуге, атаковать русский крейсер одновременно со всех сторон. Хоть одна выпущенная торпеда, да попадет в цель. Но времени, чтобы осуществить этот маневр, у них уже не было.

9 февраля (27 января) 1904 года, 12:25.

Внешний рейд Чемульпо Крейсер 1-го ранга Российского Императорского флота «Варяг»

Шпирон – носовой таран «Варяга» – мягко ткнулся в отмель у острова Идольми. Капитан 1-го ранга Руднев скомандовал: «Стоп-машина!» – и крейсер замер. Командир собрал вокруг себя старших офицеров.

– Вениамин Васильевич, – обратился он к своему старшему офицеру, – будьте любезны, за вами – контроль и устранение повреждений. Подводите пластырь, бейте клинья, тушите пожары. И попрошу исполнить все спешно – неизвестно, сколько времени продлится затишье.

– Будет исполнено, Всеволод Федорович, – кивнул капитан 2-го ранга Степанов. – С победой всех нас, и с чудесным избавлением! А о срочном исправлении повреждений могли бы не напоминать. Или вы меня плохо знаете?

– Знаю-знаю, Вениамин Васильевич, – кивнул Руднев, – но для порядка обязан напомнить...

Он посмотрел на старшего артиллерийского офицера лейтенанта Зарубаева.

– А вы, Сергей Валерианович, прикажите зарядить шестидюймовки сегментными снарядами. Японские миноносники нас в покое не оставят, им сейчас месть важнее жизни. Смотрите, как кружат. И хочется и колется; знают, что атака на нас днем – патентованный способ самоубийства, тем более что наш борт с разбитыми орудиями мы прикрыли островом...

– Я, Всеволод Федорович, другое заметил... – затронул Зарубаев волнующую всех тему, – все взрывы-с на японских кораблях чудесным образом произошли с неподбойного для нас борта. И даже «Асама» явно не сам взорвался, как многие говорят. Погреба у него в конце рванули, я его тогда в оба глаза наблюдал. Первый взрыв на нем – это не шимоза, и даже не кордит, да на наш пироксилин тоже не похоже. Это что-то другое... И рвануло на дальней от нас правой скуле...

– Это не могут быть гальванические или самодвижущиеся мины, – вступил в разговор старший минный офицер лейтенант Берлинг, – взрывы не подводные-с, фонтан воды не наблюдался.

– Это я и сам видел, Роберт Иванович, – кивнул лейтенант Зарубаев. – Загадка-с! Только вон, миноносники японские с той стороны что-то углядели – похоже на то, как они вели себя перед тем, как взорвались «Акаси» и «Такачихо». Там какая-то суета и стрельба, похоже, что палят в воздух...

– Господа, – прервал споры командир «Варяга», – разойдитесь по своим постам и приступите к исполнению своих обязанностей. Истина сама прояснится, так или иначе. А вы,

Николай Григорьевич, – повернулся он к старшему механику Лейкову, – проверьте механическую часть. Сразу после заделки пробоин и исправления повреждений пойдём в Циндао...

Лейков кивнул.

– Хорошо, Всеволод Федорович, но должен вас предупредить, что котел № 3 сдвинулся с фундамента и дал течь. Теперь наш парадный ход – четырнадцать узлов, не более. Исправление сего повреждения возможно только в Артуре, или Владивостоке.

Услышавший этот разговор лейтенант Беренс, старший штурманский офицер «Варяга», воскликнул:

– Но почему, Всеволод Федорович?! Неужто мы не сможем дойти до Артура?

– Дойти до Артура, Евгений Андреевич, мы сможем, – ответил Руднев, – только вот сдаётся мне, что там мы встретим весь японский флот во главе с адмиралом Того. Не просто же так забрел сюда адмирал Уриу? Если в Циндао мы не сможем починиться в установленные международным правом сроки, то интернируемся до конца войны. Которую Россия, с Божьей Помощью, конечно же, выиграет. Остаться в Чемульпо мы никак не можем. Если сюда на огонек заглянет хотя бы один японец, то мы не отобьемся и от такой старой галоши, как «Мацусима». Не уверен, что невидимый покровитель поможет нам еще раз...

В этот момент речь командира прервал взволнованный

крик сигнальщика, висящего подобно обезьяне на обломках боевого грот-марса:

– Ваше высокоблагородие, господин капитан 1-го ранга, Всеволод Федорович! Там... Там... – матрос махал рукой в сторону открытого моря. – Летят!

Морщась от головной боли, Руднев поднял к глазам поданный ординарцем Чибисовым бинокль. Маленькие черные точки, прорезавшиеся НАД горизонтом, превратились в девять странных объектов явно рукотворного происхождения. Однако даже морской бинокль не позволял увидеть их во всех подробностях.

Лейтенант Беренс, который тоже рассматривал аппараты в бинокль, заметил:

– Всеволод Федорович, вы сочинениями господина Жюль Верна не увлекаетесь?

– Нет, а что такое, Евгений Андреевич? – спросил Руднев, опустив бинокль.

– Если бы вы их прочитали, то знали бы, на что ЭТО похоже, – ответил тот. – Есть у господина Верна романы «Робур-Завоеватель» и «Властелин Мира», где герои летали на похожих аппаратах. Да и снаряды, топящие военный корабль одним попаданием, он тоже описывал. В романе «Флаг Родины» об этом есть...

– Фантазер вы, Евгений Андреевич, – снисходительно усмехнувшись, заметил механик Лейков. – А еще у господина Жюль Верна были подводная лодка «Наутилус» и «Плаву-

чий Остров». С инженерной точки зрения, мы сейчас только-только начали подступаться к этим задачам. О подлодках Александровского и Джебевцкого пока было больше разговоров, чем дела; подводный миноносец № 113 в прошлом году спустили на воду на Балтийском заводе, но пока не ясно, что из него выйдет, а чтоб вот так свободно летать по воздуху...

– Николай Григорьевич, вы возражаете против очевидного! – отпарировал Беренс. – Вот же оно летит! И крыльями не машет, между прочим...

Тем временем неведомые аппараты подлетели поближе. Восемь из них затеяли «игру в пятнашки» с японскими миноносцами, а девятый, чуть меньший по размерам, направился к «Варягу». Команда, бросив свои дела, открыв рты, наблюдала за приближением летучего корабля. Господа офицеры в плане эмоций не выделялись из общей массы.

Наконец лейтенант Беренс, преодолев оторопь, заметил командиру нарочито будничным голосом:

– Вот, Всеволод Федорович, и ваши таинственные незнакомцы пожаловали, собственными персонами...

Приблизившийся аппарат удивлял своими очертаниями. Два больших вращающихся винта над корпусом слились в полупрозрачные круги, остекленная пилотская рубка отбрасывала яркие блики, на большом воздушном руле была нарисована красная пятиконечная звезда, и тут же рядом, на корпусе – андреевский флаг. «Наши?! Откуда?!» – пронесли в головах невнятные мысли.

Отбрасывая вниз воздух своими винтами, странный аппарат завис над кормой «Варяга» примерно на пятисаженной высоте, отчего на палубе поднялся настоящий ураган. Придерживая руками фуражки, господа офицеры наблюдали, как сдвинулась в сторону металлическая дверь с флотским круглым иллюминатором, и на палубу «Варяга» упал тонкий линь. По нему вниз соскользнул человек в странной, но, несомненно, военной форме: пятнистая желто-зеленая куртка с погонями на плечах и множеством карманов на груди, сдвинутый на ухо такой же пятнистый берет, тельняшка в распахнутом вороте. Ловко обогнув обломки упавшего грот-марса и миновав оторопевших матросов, незнакомец приблизился к группе старших офицеров. У незнакомца оказались погоны русского образца – лейтенанта, если по-морскому, или поручика, если по-сухопутному. Безошибочно определив старшего в группе офицеров, пришелец, откозыряв, представился:

– Здравия желаю, господин капитан 1-го ранга! Старший лейтенант Войск Специального Назначения Главного Разведывательного Управления Главного Штаба Бесоев Николай Арсеньевич. В деле – позывной «Бес».

– Очень приятно, господин лейтенант... – Руднев пожал ему руку. – Капитан 1-го ранга Руднев Всеволод Федорович, командир крейсера «Варяг». – Он сделал небольшую паузу, внимательно взглядываясь в лицо визитера. – Скажите, Николай Арсеньевич, вы можете прояснить нам все произошед-

шее?

– Что именно – нападение японцев или то, что за ним последовало? – вопросом на вопрос ответил Бесоев.

– И то и другое, Николай Арсеньевич, – кивнул Руднев.

Господа офицеры приготовились услышать, наконец, разгадку происходящего; наострили уши и стоявшие поблизости матросы.

– Ну, с японцами все просто: они для себя решили, что Корея отлично подходит на роль их колонии. Ну, а постольку русские, которые мешают ее занять, не люди, а «западные варвары», то можно, взяв денег у других «западных варваров», англичан, построить флот и попробовать напасть на Россию при помощи хитрости и обмана. Причем, если так сложится фортуна, этим господам Кореи будет мало. Им подавай Сахалин, Камчатку, Владивосток, да и от Маньчжурии они тоже бы не отказались. Но с сегодняшнего полудня, ровно с 12:00 по Сеульскому времени в дело вступила наша эскадра, и теперь, господа офицеры, я не дам за Японскую Империю даже старого сапога. Вот так! Поподробней мы можем поговорить там, где нас не услышат посторонние, в конфиденциальной обстановке... Хотя, я полагаю, что кают-компания уничтожена японским снарядам...

– Моя каюта вроде уцелела, – с сомнением произнес Руднев, – но только места там... А, ладно! С нами пойдут лейтенант Зарубаев, лейтенант Беренс, лейтенант Берлинг... Пожалуй, хватит?

Старший лейтенант Бесоев кивнул.

– Всеволод Федорович, пригласите еще корабельного батюшку, сказал он. – В моем рассказе есть моменты, которые ему тоже будут интересны. И поручите господину Храбростину подготовить ваших раненых к передаче на плавучий госпиталь, который подойдет к Чемульпо не позднее, чем через два часа.

9 февраля (27 января) 1904 года, 12:55.

**Внешний рейд Чемульпо Крейсер 1-го ранга
Российского Императорского флота «Варяг»**

**Старший лейтенант СПН ГРУ
Бесоев Николай Арсеньевич**

Так, кажется, все собрались... Не хватает только старшего офицера «Варяга» Степанова, который в нашей истории требовал сделать еще одну попытку прорыва. Ну да ладно, пусть занимается своими делами, ведь это его корабль, избитый по самое «не хочу».

Все смотрят на меня, но я жду.

Входит батюшка – кстати, тоже Руднев, но не брат, а, кажется, какой-то дальний родственник. Вот и все в сборе. Смотрят на меня, настороженно.

– Господа, то о чем мне придется говорить с вами, будет для вас несколько, м-м-м, скажем, неожиданно, – начал я. – Так что для лучшего взаимопонимания давайте я расскажу вам одну историю... В отличие от сочинений Жюль Верна и Герберта Уэллса, она совершенно правдива. Что поделатъ – действительность очень часто превосходит самые буйные фантазии. И извините меня, если где-то я буду слишком краток. Это лишь потому, что в полном виде эту историю надо рассказывать тысячу и одну ночь, а я не Шахерезада. Итак, господа офицеры? – Я обвел взглядом собравшихся.

– Рассказывайте, Николай Арсеньевич, – кивнул Руднев своей забинтованной головой. – То, что происходило в последнее время, господин поручик, для нас был весьма необычным и поучительным. Так что излагайте вашу историю. Не могу же я написать в рапорте его Высокопревосходительству Наместнику Дальнего Востока и Государю Императору: «Все японцы вдруг взорвались».

– Хорошо, – сказал я и, вздохнув, приступил к повествованию: – В далеком будущем, а точнее, в 2012 году, у России в который уже раз появились проблемы с ее вечным источником головной боли на юге – Турцией. Возникла потребность, не доводя дела до войны, объяснить неразумным потомкам Османа и их покровителям на далеких туманных островах пагубность их политики.

Офицеры улыбнулись, поняв, кого я имею в виду. Однако принялись недоверчиво переглядываться меж собой.

– Итак, для этого из Севастополя, Кронштадта и Мурмана вышли эскадры, – продолжил я. – Местом их встречи были воды, прилегающие к острову Кипр...

– Господин сказочник... даже если допустить, что вы и вправду прибыли к нам из будущего, тут есть несостыковка, – перебив меня, ехидно заметил молодой офицер, которого мне представили, как лейтенанта Зарубаева. – Что же, вы хотите сказать, что Турция так просто пропустила корабли Черноморского флота через Пролив? Не верю я этому. Турки, конечно, дураки, но не полные идиоты...

Я пожал плечами.

– Господа офицеры, после одной проигранной Турцией войны «Договор о Проливах» был составлен так, что в мирное время Турция была ОБЯЗАНА пропускать через Проливы военные корабли всех Черноморских держав. Запрет на прохождение приравнялся к объявлению войны... Так что пропустили, никуда не делись.

– О-очень полезный договор, – заметил лейтенант Беренс, строго взглянув на Зарубаева. – Нам бы тоже такой же нужен.

– Господа, господа! – нетерпеливо воскликнул каперанг Руднев. – Мы отвлеклись, к тому же пока ничего из сказанного нашим гостем не объясняет сегодняшних событий.

– Как раз все объясняет, Всеволод Федорович, минуточку терпения... – сказал я. – Когда эскадры сошлись в означенном квадрате и приготовились выполнять поставленную задачу, случилось вот что...

Я подробно описал все произошедшее. Туман, голос... Они слушали, буквально замерев – так, как слушают дети героические былины из уст талантливого рассказчика. На их лицах недоверие сменялось удивлением и даже благоговением, некоторые даже принялись креститься украдкой.

– И вот мы здесь, господа офицеры, с вами, – закончил я свое повествование. – Как я и сказал, с сегодняшнего полудня мы вступили в эту войну. И волей Божьей оказались одновременно там, у себя дома, и на трех других войнах, поражение в которых сделали историю России столь несчастной.

Я, храня торжественно-серьезное выражение, оглядел своих слушателей; было видно, что в их сердцах все еще живет сомнение. Ну а как же иначе? Как в такое вообще можно поверить сразу и безоговорочно? Все органы чувств подтверждают сказанное мной, а разум-то противится в силу своей рациональности...

Я украдкой вздохнул и сказал:

– Батюшка может как-то прояснить для меня этот вопрос? Что это может быть, с его точки зрения?

Все взгляды устремились на корабельного священника. Тот в задумчивости качал головой.

– Следует поразмыслить над этим, сын мой... – пророкотал он густым баском. – Пути Господни неисповедимы, и всякие чудеса может явить Он детям Своим возлюбленным, и нет для Него ничего невозможного... Особое, видать, Его благословение имеет Россиюшка наша, раз послал Он

нам вспоможение в страшный час перед грядущей погубе-
лю, явив величие Свое... Что же – коли так, то Слава Отцу
нашему Небесному! Да благословит он наше славное Отече-
ство! Да убережет он нас от сил враждебных и силу силу ду-
ха в сердцах наших!

– Аминь! – дружно произнесли все присутствующие,
вдохновенно крестясь.

После этого наступила какая-то разрядка. Недоверчивых
взглядов стало гораздо меньше, и мое напряжение развея-
лось. Все-таки духовный наставник в коллективе – большое
дело...

После недолгого молчания лейтенант Беренс со вздохом
произнес:

– Да, господа, история... Никакому сочинителю в голову
не придет. – Он посмотрел на меня каким-то другим взгля-
дом – как-то по-братски, что ли – и спросил: – А скажите,
чем это вы так по японцам отработали? Вот наш нач-арт,
лейтенант Зарубаев, так ничего и не понял.

– Одну минуту, господин лейтенант... – я достал из-за па-
зухи запаянный в прозрачную пластиковую пленку пакет, и
протянул его Рудневу. – Господин капитан 1-го ранга, коман-
дующий нашим соединением контр-адмирал Ларионов про-
сил передать вам это лично в руки сразу после вступитель-
ного слова. Да, чуть не забыл – орфография за прошедшие
сто с лишним лет несколько упростилась, так что не удив-
ляйтесь странностям написания некоторых слов.

Поморщившись от неловкого движения, Руднев взял из своего секретера нож для разрезания бумаг и, осмотрев печати, аккуратно вскрыл пакет. Вот она, культура «России, которую мы потеряли»: наш бы просто разорвал.

Пока он читал, я отозвал лейтенантов в сторонку и полупшепотом продолжил:

– Итак, господа офицеры, насколько мне известно, «Асаму» мы утопили всего одной противокорабельной ракетой «Вулкан», отечественного, между прочим, производства. Этот снаряд способен убить наповал корабль много большего водоизмещения и куда лучше бронированный, чем «Асама». Это – главный калибр флагмана Черноморского флота крейсера «Москва». Жестковато получилось, согласен, но другого способа немедленно прекратить бесчинства этого мини-броненосца наш адмирал не видел. Следующему по классу ракетному комплексу «Москит», который как раз про «Асаму», не хватало дальности. «Варягу» и так тяжело пришлось в этом бою с многократно превосходящим врагом, и оттягивать дальше уничтожение главной ударной силы японской эскадры было нельзя. Ну и чтобы японские бронепалубники не путались под ногами, их убрали с доски куда более простыми и менее мощными ракетами «Уран». Единственный их минус – они слабоваты против кораблей, имеющих бронепояс. Но суть не в этом, господа...

– А в чем же, господин лейтенант из будущего? – язвительно произнес лейтенант Зарубаев.

– А в том, что дальше начнется большая политика, а это вопрос для чинов, выше лейтенантских, – ответил я ему под дружный хохот. – Наверное, никто не сомневается, что Япония – это собака, эдакий злобный мопс. И вот теперь, когда мопсу дали хорошего пинка, на сцену должен выйти хозяин, который и науськал его на Россию. Посмотрим, что скажет британский командер Бейли, когда наши высадят в Чемульпо десант и загонят там под лавку всех макак? А ведь так и будет...

Тем временем Руднев дочитал письмо адмирала Ларионова, и мрачно посмотрел на собравшихся.

– Господа! – сказал он строгим голосом. – Все как я и предполагал: адмирал Того действительно подошел к Порт-Артуру. В Циндао мы тоже не пойдем: контр-адмирал Ларионов обещал нам полное содействие в ремонтных работах. Через несколько часов сюда подойдет вся эскадра, в том числе и корабли, на которых есть все, чтобы провести ремонт нашего крейсера. На внутренний рейд Чемульпо мы тоже пока возвращаться не будем. Сначала должен быть уничтожен японский десант и удалены из порта иностранные стационары. Дальнейшее – при личной встрече. Все, господа, теперь попрошу оставить меня, мне надо немного подумать.

Когда мы выходили из командирской каюты, ко мне подошел батюшка.

– Э-э, господин поручик, могу ли я задать вам на пару вопросов? Корабельная церковь, правда, разбита японским

снарядом, но мы можем подняться на кормовой мостик, который, кажется, практически не поврежден.

– Отчего же нет, отче, – пожал я плечами. – Да спрашивайте прямо здесь. Правда, я и так рассказал вам все как на духу...

– Нет-нет! – замахал руками священник, – я не сомневаюсь в вашей честности. Просто, видите ли, я тут подумал, что Всевышний вот так запросто разговаривал только с пророками... А вы говорили, что все у вас слышали одно и то же...

– Да, батюшка, все... и пророков среди нас нет... хотя... – я на секунду задумался, – может, пришло время, когда одного человека мало для исполнения замысла Всевышнего? А нужен коллектив, команда, группа людей, которая сможет изменить мир, как когда то изменил его Христос? Наверное, стоит об этом поразмышлять...

Когда мы вышли на палубу, мои ребята уже закончили с японскими миноносцами. Флаги «Солнце с лучами» были спущены, а те члены команд, что выжили при захвате, лежали со связанными со спиной руками, мордами в палубу. Лепота, да и только...

**9 февраля (27 января) 1904 года, 13:05,
Внешний рейд Чемульпо. Крейсер 1-го ранга
Российского Императорского флота «Варяг»**

Капитан 1-го ранга Руднев Всеволод Федорович

Когда разгромленная каюта опустела, я присел на чудом уцелевший стул и задумался. За эти сутки произошло столько всего, сколько не происходило за всю мою жизнь.

Конечно, мне запомнился бой. Скажу честно, я ожидал для себя и команды «Варяга» честной смерти в неравной схватке. Другой исход сражения с японцами был просто невозможен. Силы были неравны, и положение, в котором оказался «Варяг» и «Кореец», изначально обрекали нас на поражение.

Я с ненавистью вспомнил тот роковой для всех нас приказ, согласно которому «Варяг» оказался в подчинении посланника Павлова. Инструкция из Петербурга, приложенная к этому приказу, прямо предписывала «поддерживать хорошие отношения с иностранцами, не мешать высадке японских войск, если бы она происходила до объявления войны, И НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ УХОДИТЬ ИЗ ЧЕМУЛЬПО БЕЗ ПРИКАЗАНИЯ». Вот так! Надо было, несмотря ни на

что, стоять в порту и ждать, что нам прикажет посланник из Сеула...

Я подумал, что в будущем найдутся всезнайки, которые обвинят меня во всех смертных грехах. Бог с ними – что взять с людей, которые видели море только с берега, а связь с флотом поддерживали только в трактирах, поедая макароны по-флотски.

Интересно, что скажет мне теперь этот самый Александр Иванович Павлов? Ведь ему хорошо было известно все, что происходит в Сеуле и вокруг него. Я знал, что Павлов, помимо всего прочего, руководил русской разведывательной сетью в Корее. Я разговаривал с ним за день до сражения, когда лично поездом отбыл в Сеул и сообщил о фактически начавшейся там высадке японских войск. Я просил отпустить «Варяг» в Порт-Артур, но Павлов лишь разрешил отправить туда канлодку «Кореец».

Не менее мерзко вели себя и командиры иностранных стационаров, стоявших в Чемульпо. На словах они выразили протест действиям японцев, а на деле фактически дали добро адмиралу Уриу на расстрел русских кораблей в нейтральном порту. Ну да Бог им судья...

Я еще раз перечитал послание неизвестного мне адмирала Ларионова. Как человек современный, я не верил в то, что нельзя было объяснить научно. В то же время как человек верующий я допускал, что может произойти ЧУДО, и Всевышний по своему разумению может кого-то покарать или

помиловать... Все в Его руке. Как человек военный, я знал, что мне надлежит выполнять свой долг перед Россией. Все!

Я ощутил себя приговоренным к смерти, и в последний момент оставшимся в живых. Палач подвел меня к виселице, поставил на скамейку, набросил на шею петлю, затянул ее... и тут было зачитано Высочайшее помилование. Занавес.

Что же мы имеем на сегодняшний день? «Варяг» нуждается в длительном ремонте, причем в заводских условиях. «Кореец» в бою практически не пострадал, но это корабль старый, для действия на морских коммуникациях непригодный. Японцы уже высадили в Чемульпо десант – на мой взгляд, не менее трех тысяч человек. Японцы фактически оккупировали город. В данный момент они в бессильной злобе машут нам с берега своими саблями. Надо будет передать адмиралу Ларионову, что с японским десантом следует кончать как можно быстрее, пока они не натворили дел. Кроме того, в их распоряжении имеется какая-никакая, но артиллерия – германские полевые 75-мм пушки.

Что же касается Порт-Артура... В письме адмирала Ларионова говорится, что японцы ночью напали на нашу эскадру, которая беспечно стояла на внешнем рейде. Этот идиот Старк, несмотря на все предупреждения, так и не удосужился установить боновые заграждения или хотя бы приказать кораблям поставить противоминные сети. И как результат – повреждены новейшие броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич», а также бронепалубный крейсер «Паллада». Хорошо

еще, что никого не утопили.

Я не выдержал и выругался словами, которые часто употреблял наш боцман на «Гангуте», где я был старшим офицером. А как иначе отреагировать на поступки нашего флотского руководства, которое раз за разом совершает роковые ошибки?

Из письма адмирала Ларионова я понял, что корабли из будущего намного сильнее любого броненосца из состава японского флота. Да и на деле я убедился в этом. Потопление одним ударом сильнейшего в своем классе броненосного крейсера «Асама» – лучшее тому подтверждение. Адмирал Ларионов пишет, что после очистки Чемульпо от японского десанта он намеревается выступить к Порт-Артуру со своими главными силами, чтобы там разгромить и уничтожить объединенный флот под командованием адмирала Того. В таком случае я не завидую Хэйхати-сану: его ждет крайне неприятная встреча... Возможно, потомки покончат с ним как с «Асамой», даже не показываясь на горизонте. Так что ему лучше самому заранее совершить обряд сэпукку.

Но сразу после разгрома японской эскадры во весь рост встанет вопрос политический. Появление наших потомков, живущих, как я понял, при совсем другом социальном строе, ставит перед Россией и Государем ряд вопросов. Адмирал Ларионов пишет, что не собирается присоединяться к Российской Империи после победы, а намерен забрать Корею под свой протекторат и использовать ее как базу для созда-

ния своего государства. Каковы в дальнейшем будут взаимоотношения этого государственного образования с властями Российской империи?

Я человек военный, и в политических вопросах разбираюсь плохо. Да и не положено военным лезть в политику. Надо, чтобы о таких деликатных вещах с адмиралом Ларионовым побеседовал некто, чье имя и влияние в высших сферах имеют немалый вес. Следовательно, надо срочно связаться с Наместником Государя на Дальнем Востоке Евгением Ивановичем Алексеевым. Я хорошо знаю его по совместному кругосветному плаванию на крейсере «Африка», когда я был еще мичманом, и по службе с ним на крейсере «Адмирал Корнилов». Я думаю, что такой опытным моряк и царедворец найдет общий язык с адмиралом из будущего и достойный выход из всей этой ситуации. Ибо наихудшим исходом могла бы стать только вражда между нами и нашими потомками, от которой выиграют только японцы, а также лондонские и нью-йоркские дельцы.

Чудовищно болит раненая голова, я вымотан до предела, но все же нашел в себе силы сесть за исцарапанный мелкими осколками стол и написать подробное донесение обо всем произошедшем сегодня в Чемульпо. На конверте я вывел: «Наместнику Его Императорского Величества на Дальнем Востоке генерал-адъютанту Алексееву Евгению Ивановичу. Лично в руки».

Потом я вышел из каюты на палубу, где мои офицеры,

обступив лейтенанта из будущего, жадно вглядывались в горизонт. Посмотрел и я. Украшенный белопенным буруном под форштевнем, на нас стремительно шел военный корабль под андреевским флагом. Мой опытный глаз сразу определил скорость – более тридцати узлов. А размерами этот красавец-крейсер даже превосходил наш «Варяг». Мне ли не знать, как дорого дается каждый лишний узел в гонке за скорость? Я поднял бинокль к глазам: над кораблем не было видно ни дымка, разве что чуть дрожал раскаленный воздух за фок-мачтой.

При моем появлении разговоры затихли. Я протянул посланцу адмирала Ларионова написанное мною послание Наместнику, и спросил его:

– Николай Арсеньевич, вы можете доставить этот пакет по назначению?

9 февраля (27 января) 1904 года, 13:35, Внешний рейд Чемульпо. Крейсер 1-го ранга Российского Императорского флота «Варяг». Капитан 1-го ранга Руднев Всеволод Федорович

Поручик Бесоев не сказал мне ни да, ни нет. Немного подумав, он достал из нагрудного кармана кителя маленькую черную коробочку. Что-то на ней покрутил, одобрительно хмыкнул и приложил к уху. Я смотрел на его манипуляции

как на выступление циркового фокусника, абсолютно не понимая их смысл. Неожидано поручик заговорил:

– Алло, «Кузнецов»? Это старший лейтенант Бесоев, мне адмирала, пожалуйста. Да, ждет... Спасибо... ТОВАРИЩ контр-адмирал, докладывает старший лейтенант СПН ГРУ Бесоев. Капитан 1-го ранга Руднев желает через нас передать рапорт Наместнику Алексееву. Да, товарищ контр-адмирал, так и передам... Спасибо, у нас все в порядке, к нам подходит «Ушаков»... Да, я уверен, что этого будет достаточно... Добро, ждем.

Убрав коробочку в карман, поручик повернулся в мою сторону.

– Господин капитан 1-го ранга, контр-адмирал Ларионов надеется, что ваш рапорт Его Высокопревосходительству Наместнику вы подадите лично. Он рассчитывает, что это случится примерно завтра в полдень. Контр-адмирал просил вас передать, что, как только мы покончим с японским десантом в Чемульпо, мы немедленно выдвинем ударную корабельную группу для деблокады Порт-Артура. Ведь ваше присутствие, при наличии хорошего старшего офицера, на борту «Варяга» во время ремонтных работ совсем не обязательно?

Эка он меня поддел! Мой старший офицер действительно хоть куда, так и рвется в бой. Хотя, действительно, сначала лучше тет-а-тет переговорить с контр-адмиралом Ларионовым, составить, так сказать, собственное впечатление

о потомках, оно потом пригодится мне для доклада Евгению Ивановичу. Тот обожает подробности, считая, что дьявол кроется в мелочах. Особенно в таких важных, как сегодняшнее дело при Чемульпо. Да и этот поручик Бесоев о чем-то умалчивает, говорит несколько уклончиво. Надо выяснить, чего же такое случилось в нашей истории, что этот факт приходится скрывать о предков. Да и это неуставное обращение «товарищ» младшего офицера к контр-адмиралу... Много чего интересного я еще увижу. Взять хотя бы то, что любой нижний чин с их эскадры по законам Российской империи имеет право на производство в прапорщики по адмиралтейству, поскольку все они поголовно имеют среднее образование. Как это себе представить – целая эскадра командами, состоящими из офицеров?! Какое расточительство по нашим меркам!

Хотя... Я задумался – если посчитать численность команд на флоте, включая нижних чинов, то это всего-то примерно 35 тысяч душ. А сколько во всей империи дворян, где-то за полмиллиона мужчин призывного возраста? То есть мы вполне бы могли иметь флот, составленный только из дворян, причем из потомственных.

Решено подождать – значит, подождем, посмотрим, что будет дальше. А пока полюбуемся на этого «Ушакова». Интересно, насколько он похож на нашего «Адмирала Ушакова» – видел я в Кронштадте броненосец береговой обороны, носящий такое имя...

Вот он уже приблизился к нам и, сбросив ход, входит в фарватер, огибая разбросанные повсюду японские миноносцы, которые болтаются как кое-что в проруби.

Поручик Бесоев снова вытащил из кармана свою коробочку, послушал то, что она ему сказала, и повернулся ко мне.

– Всеволод Федорович, есть одна просьба...

– Да, Николай Арсеньевич, слушаю вас... – отвечаю.

А мои-то лейтенанты с мичманами, что рядом стояли, так уши-то и наострили.

– Командир «Ушакова», каперанг Иванов, просит убрать с фарватера плавучий мусор в виде неуправляемых японских миноносцев. Отогнать их к острову, на якорь поставить, что ли... Скоро подойдет эскадра, и тогда тут будет по-настоящему весело. Он понимает, что все ваши шлюпки и катера превратились в решето. Если вы сможете выделить пару сводных призовых команд, он даст для этого два катера. Ну и сами трофеи тоже достанутся Русскому Императорскому флоту, нам они без надобности.

Сначала я не понял.

– А почему бы вам самим этим не заняться, господа потомки? Или есть какие-то сложности?

Поручик кивнул.

– Вот именно, сложности... За сто с лишним лет столь архаичные машины, такие, как на этих миноносцах, совершенно вышли из употребления. Так что теперь никто из наших и не сообразит, как с ними управиться. Разве что брать эти

миноносцы на буксир катером. У вас все это получится гораздо быстрее и надежнее.

Думал я недолго. Ну, а что, в самом деле – ведь добро пропадает, вполне исправные миноносцы нам достанутся даром, и русскому флоту еще послужат. Лейтенантов на такое дело посылать не по чину, а вот мичмана в самый раз – вот они стоят, два бездельника, оба легко раненные. Шиллинг и Балк. Две команды и два командира.

Подзываю их к себе.

– Слышали, господа офицеры? Считайте, что это первое ваше самостоятельное задание.

Козырнув, мичмана исчезли, будто их и не было. Им сейчас придется побегать – найти старшего офицера Степанова и старшего механика Лейкова. Ведь без них они не смогут набрать свои команды. Отпустив мичманцов, я продолжил вглядываться в подходящего к нам «Адмирала Ушакова». С первого взгляда корабль особо не впечатлял. Всего одна короткая и очень широкая труба (у «Варяга» таких труб четыре, а у «Аскольда» – аж пять). Хотя то, как он к нам бежал, показывает совсем неплохие скоростные качества. Шпирона как такового нет, форштевень атлантического типа. Когда я обратил на это внимание поручика Бесоева, тот ответил, что, дескать, в историю военно-морского искусства попали лишь два полных адмирала-идиота. Один – австрийский, который пошел на таран в битве при Лиссе, и другой – итальянский, тот, что позволил австрийцам себя таранить. В осталь-

ных случаях шпиронами топили лишь свои корабли во время неудачного маневрирования. Сейчас не то что на таран – на дистанцию выстрела из минного аппарата броненосец или крейсер не подпустит корабль своего класса. В том смысле, что все наши минные аппараты – это бесполезные в бою, и к тому же крайне опасные игрушки. Для крейсера они могут еще пригодиться – к примеру, для того, чтобы быстро утопить невооруженные неприятельские пароходы. Но тут, если по уму, и одной скорострельной четырехдюймовой пушки хватит за глаза.

А вот «Ушаков» в смысле вооружения больше похож на маленький броненосец: бортовых орудий у него нет, но имеются две двухорудийные башни. Сразу за носовой башней – восемь толстых наклонных труб. Не знаю, что это – наверное, что-то подобное тому, чем убили «Асаму»... хотя по ней стрелял вроде не «Адмирал Ушаков», а «Москва». Минные аппараты тоже есть, правда, не нашего детского калибра, а эдак примерно двадцатидюймовые, длиною сажень в пять. Надо будет потом спросить, там обычные мины или что-то особенное – если уж даже в наше время корабли на минный выстрел сойтись не могут. И не повернуть их никак, ширины корабля не хватит, а ведь там еще и надстройка... Нет, с этим так просто не разберешься. Только вот как у него с огневой мощью – четыре ствола не маловато будет?

И тут жизнь через какого-то дернутого на всю голову самурая сама дала мне ответ. На берег, прямо напротив нас, на

рысях вылетела японская конная батарея. На что они рассчитывали? До нас их снаряд если и достанет, то далеко не прицельно, на пределе дальности. Хотя и нам им ответить нечем, несмотря на то, что наши пушки подальнобойнее будут, но в боекомплекте у нас, стараниями умников из-под Шпица – одни бронебойные, которые по фугасному действию недалеко ушли от болванок. Это если взрыватель сработает.

Я поднял к глазам бинокль. Маленькая пилюля, которую втихаря сунул мне поручик Бесоев, помогла, и теперь голова совсем не болела. Восемь полевых пушек, зарядные ящики уже отцеплены, японский офицер поднял саблю... Очередь, пушки с берега выстрелили одна за другой. Оказывается, я ошибся, определяя их дальнобойность. Их снаряды не долетели до нас четыре-пять кабельтовых, и бесполезно лопнули при ударе о воду, выбросив густые черные облака шимозного дыма. Я уже собирался дать команду ответить японцам из неповрежденных орудий правого борта, но тут произошло то, что удивило меня до глубины души. Причем не только меня – наш начарт лейтенант Зарубаев при виде сего действия так и остался стоять с открытым ртом.

Обе башни «Адмирала Ушакова» повернулись в сторону берега, стволы их орудий взметнулись вверх... и выпустили очередь подобно картечнице Нортфельда. Мы с лейтенантом даже не успевали считать выстрелы. Несколько мгновений – и на берегу воцарился настоящий ад. Японская батарея окуталась вспышками разрывов, совершенно не похожих да-

же на разрывы наших шестидюймовых снарядов. Когда дым развеялся, японской батарее на позиции уже не было – лишь изуродованные обломки и несколько разбросанных тел указывали на то, что она находилась там минутой-двумя ранее. В отдалении билась в агонии смертельно раненая лошадь. И все...

Отличное и поучительное зрелище для наших британских «друзей», которые наверняка наблюдают за всем происходящим в бинокли. Наверняка коммодор Бэйли отпишет своему начальству о том, что ему довелось увидеть, и гордые британцы станут вести себя почтительнее с кораблями под андреевским флагом. И я понимаю своего коллегу, капитана 1-го ранга Иванова – если сразу не научишь себя уважать, так потом на тебя каждая собака будет лапу задирать.

9 февраля (27 января) 1904 года, 16:25.

Внешний рейд Чемульпо. БДК «Калининград»

Капитан морской пехоты Сергей Рагуленко

Солнце уже клонилось к закату, когда отряд наших кораблей подошел к Чемульпо. Чуть накренившийся «Варяг» стоял на якоре у острова Идолыми. Рядом с ним – «Адмирал Ушаков», держащий берег под прицелом своих орудий. Нам

уже известно, что японцам на пальцах довольно доходчиво разъяснили пагубность чрезмерных понтов. Ну и мы, если что, добавим.

На подходе к Идольми отряд разделяется. «Североморск» занимает позицию рядом с «Ушаковым», наведя свои орудия на берег. «Алтай» и «Енисей», как заботливые няньки, отворачивают влево, к «Варягу» – спасать и лечить. Четыре БДК строем кильватера, что называется, «под гром литавр и бой барабанов», входят на внутренний рейд.

Милях в трех за Идольми черноморцы, «Новочеркасск» и «Саратов», отваливают от строя и делают поворот вправо – все вдруг, на восемь румбов. Идут к берегу строем пеленга, сбрасывая скорость. Задача у черноморского батальона – занять высоту 233, юго-восточнее Чемульпо, потом, оставив там заслон и самоходную артбатарею, зачистить от японских захватчиков город и порт. Мы идем дальше, на полном ходу обогнув стоящих на якоре стационаров, проходим траверз порта. У причалов видны японские пароходы, что вчера вечером и ночью сбросили в Чемульпо десант. Но нам не сюда. Показываем «Тэлботу» средний палец и уходим за мыс, на котором стоит Чемульпо – пусть англичане гадают, чем мы там занимаемся. Все, приближаемся к точке высадки, мне пора к ребятам, вниз, в трюм.

Внизу, несмотря на вентиляцию – чадный соляровый угар от работающих на холостом ходу дизелей. Еще немного – и будет настоящая душегубка. На моей машине уже укреплен

большой андреевский флаг, чтобы все – и свои и чужие – видели, кто идет.

Наконец распахиваются десантные ворота, впуская в трюм свет дня, и я ныряю в командирский люк своей машины. Механик газует – и вот мы уже плывем, раздвигая волны. До берега километра три, не меньше. Наша первая цель – перерезать железную и, как бы это сказать помягче, шоссе-ную дорогу на Сеул, проходящую у подножья высоты 186. Согласно вводной, в самом начале операции группа спецназа ГРУ высадилась в окрестностях указанной высоты и повредила линию связи, идущую из Чемульпо в Сеул. Пусть япошки думают, что именно они победили. Ну а мы должны закрепить их успех и занять саму высоту, установив там артиллерийскую батарею. А потом одной ротой двигаться на Сеул, где, по нашим данным, находится до полутора тысяч японских штыков. Но где наша не пропадала!

Справа от нас, примерно в километре, по берегу скачет японская конная батарея. 75-мм фугасный снаряд или шрапнель на удар – довольно неприятный подарок. Стрелять же по ним с положения вплавь (чистая показуха) – только напрасный расход боеприпасов. Но о них хорошо позаботились на «Саратове». Два десятка «градовских» снарядов – и вот уже на вспаханном взрывами берегу никого нет. Все, дальше не до них, берег приближается.

На сушу мы вышли километрах в пяти от нужного места – но ехать быстрее, чем плыть. Так что по обнаженному от-

ливом песчаному пляжу мы домчали до железной дороги с ветерком за пять минут... Правее разгорался бой: высадившиеся первыми черноморцы уже сцепились с японцами, оккупировавшими Чемульпо, были слышны даже выстрелы наших самоходок. Потом артиллерийская пальба стихла, хотя ружейно-пулеметная перестрелка продолжалась довольно долго. Рота капитана Франка пошла на Чемульпо с тыла, ну а мы – по так называемому «грунтовому шоссе» рванули на Сеул.

**9 февраля (27 января) 1904 года, 18:15.
Сеул, Русская Императорская миссия**

**Российский посланник в Корее, действительный
статский советник Александр Иванович Павлов**

**Отрывок из донесения министру
иностранных дел Российской империи
Ламздорфу Владимиру Николаевичу**

«В течение ночи с 26-го на 27-е января с японских транспортов высадилось около трех тысяч войска различных родов оружия, и около половины этого числа к утру 27-го ян-

варя успело прибыть в Сеул и разместиться в различных частях города, по преимуществу вблизи казарм корейских войск. Последние (как и все вообще корейские власти) не выказали ни малейшего сопротивления, как, впрочем, и можно было ожидать.

В связи с этим я немедленно распорядился разместить находящихся в Сеуле российских подданных – частью в главном здании Императорской миссии, частью в доме нашей духовной миссии. В то же время я позаботился о том, чтобы вся морская охранная команда при миссии, половина которой до тех пор помещалась в нанятом мной частном доме, сосредоточилась в самой миссии.

Между тем в Чемульпо подготавливалась трагическая развязка инцидента предшествующего дня с лодкой „Кореец“.

В полдень с минутами мы в Сеуле услышали первый выстрел неравного боя. Потом мы узнали, что этот выстрел был сделан с японского крейсера „Асама“ по крейсеру „Варяг“. На что оба наши судна немедленно стали отвечать. Разгоревшаяся канонада была отчетливо слышна в самом Сеуле. Минут двадцать первого до Сеула докатился грохот особо сильного взрыва, минуты три спустя прозвучало несколько взрывов послабее, потом еще одна отчаянная канонада – и наступила тишина. Я посмотрел на часы – половина первого. Мне было совершенно очевидно, что ни „Варяга“, ни „Корейца“ больше нет. Сначала какая-то глупая

удача помогла японцам взорвать патронные погреба „Варяга“, потом в неравном бою погиб и „Кореец“. Я оборотился в красный угол к иконам и стал молиться за упокой души русских воинов павших за правое дело, за веру, царя и отечество.

День прошел в мучительной и бессмысленной суете; из Чемульпо не поступало никаких известий, телеграф с телефоном были, по-видимому, повреждены высадившимися японцами. Я не получал никаких известий от находящегося близ места событий вице-консула Поляновского. Не пришел оттуда и вечерний поезд.

Возбуждение среди населения японского квартала в Сеуле под влиянием случившегося в Чемульпо было не менее сильно. Очевидно, все происходящее представлялось им блестящей победой их оружия. Со стороны улиц японского поселка до миссии доносился гул голосов обезумевшей от радости толпы.

В тот же вечер, еще засветло, японский посланник в Сеуле г. Гаяши потребовал у императора Кореи немедленной аудиенции и был им принят вместе с прибывшими недавно генерал-майором Идитти и несколькими другими японскими военными начальниками. На аудиенции он объявил императору, „что японские войска прибыли в Корею, дабы охранить эту страну от захвата Россией. Что на время военных действий она (Япония) установит собственное военное управление в оккупированных ей местностях, и что

императору надлежит во всех своих распоряжениях точно следовать указаниям японского правительства. А при первом случае неповиновения дворец императора Кореи будет занят японскими войсками, и императору будет отрезан путь для каких-либо сношений с членами корейского правительства“.

Сей возмутительный ультиматум означал фактическую оккупацию Кореи Японской империей, с возможной дальнейшей аннексией, о чем в Токио давно мечтали. Однако дальше произошло нечто такое, что до сих пор служит предметом обсуждения всего дипломатического сообщества.

Сразу после заката солнца, примерно в четверть седьмого, город проснулся от металлического лязга и грохота, доносившихся со стороны железнодорожного моста через реку Нан-ганг. Я собрался было послать своего секретаря узнать, что там происходит, но вскоре пришлось отказаться от этой мысли из-за того, что в той стороне вспыхнула ожесточенная перестрелка с использованием митральез и пушек. Мы отчетливо слышали несколько орудийных выстрелов, причем некоторые из них явно были произведены из пушек крупного калибра. Довольно быстро стрельба удалась в сторону японского поселка, а по улице, ведущей к нашей миссии, послышался приближающийся странный металлический лязг. Прямо у наших ворот лязг стих. В мой кабинет заглянул прапорщик по адмиралтейству Минин, один из офицеров команды, охранявшей миссию. Он был изумлен

и возбужден.

– Ваше превосходительство, там... там, там такое!! – проговорил он, задыхаясь от волнения. – Идите скорее! Наши войска в городе!»

9 февраля (27 января) 1904 года, 20:05.

Внешний рейд Чемульпо за островом Идольми

ТАКР «Адмирал Кузнецов»

Контр-адмирал Ларионов Виктор Сергеевич

Местное время – восемь часов вечера. Вот и подошел к концу первый день войны. Стихла перестрелка в Чемульпо. Лишь в полумраке догорал один из пароходов, на котором доставили в порт японский десант. Воины микадо полностью уничтожены, в плен не сдался никто. На внутреннем рейде настороженно замерли корабли-стационары. Кое-кому происходящее активно не нравится, но мы их игнорируем – разумеется, пока. Ради собственной безопасности им предложено не совершать резких движений, пока мы не закончим с боевыми действиями.

Теперь о неприятном. Ни «Кузнецов», ни «Москва», ни

даже «Колхида» на внутренний рейд пройти не могут. Этот Чемульпо не порт, а грязная лужа. Пока мы бросили якорь между островами Йонгхунг-до и Идольми, не закрывая, впрочем, фарватера. Но «Кузнецову» с его полной осадкой в десять метров тут так же удобно, как бегемоту в ванной. По счастью, за переход он выработал значительное количество топлива, а дозаправиться не успел. Осадка уменьшилась, риска нет, а все равно неприятно. Единственное удобство, что под боком у столицы Кореи. Чтобы сделать из этого нормальный порт, нужна адова работа земснаряда. Но не сейчас, не сейчас... Сейчас у меня сеанс реал-политик с капитаном 1-го ранга Рудневым и действительным статским советником Павловым. По еще петровской «Табели о рангах» мы с ним в одном IV классе. Его, кстати, доставили сюда из Сеула вертолетом. С капитаном Рагуленко даже Его Превосходительство спорить не решился. Хотя, если прикинуть, насколько ему пришлось бы по душе езда на БМП по местным дорогам, то приходится признать, что мы оказали этому человеку большую услугу.

Вхожу в адмиральский салон. Вместе со мной журналист Александр Тамбовцев, старый волк-международник, в прошлые времена сотрудник ПГУ КГБ СССР. Надежный, последний из могикан. Своей властью я вернул его из запаса, восстановив в воинском звании капитана.

А эти? Сидят, голубчики. Я нарочно оставил их наедине – пусть Всеволод Федорович посвятит посланника во все, что

произошло в Чемульпо и его окрестностях в течение последних восьми часов. Ну и, конечно же, орлы полковника Антоновой прослушивают адмиральский салон с того самого момента, как сюда вошли эти двое. Реал-политик – так реал-политик.

Павлов смущен и испуган. Оказывается, услышав как взорвалась «Асама», он решил, что это погиб «Варяг», и молился за упокой живых еще людей. Страшный грех, хотя и невольный. Я думаю, господь милостив и простит раба Божьего Александра. Однако пора заняться делами.

– Добрый вечер, господа, – говорю я. – Всеволод Федорович, вы как, уже ввели Александра Ивановича в курс дела? – Тот кивает. – Вот и отлично! Значит, мы можем обсудить ситуацию во всем ее многообразии. Что мы имеем в активе на сегодняшний день, помимо поврежденного «Варяга» и погибших в бою моряков? Между прочим, Александр Иванович, вина в случившемся в немалой степени лежит и на вас... Понимаю, что вы в данном случае были лишь промежуточной инстанцией в авантюре, в которую вас завлекли господа Безобразовы со товарищи. Но ведь надо было предвидеть, чем все может закончиться...

Павлов попытался было мне что-то объяснить, но я жестом остановил его.

– Александр Иванович, я понимаю, что вы делали все из самых лучших побуждений. Только был в наше время один политический деятель – не самый плохой, кстати, но страда-

ющий чудовищным косноязычием. Так вот, одна из его фраз стала крылатой. Звучала она так: «Хотели как лучше, а получилось как всегда...»

Я сделал небольшую паузу и продолжил:

– Теперь о главном. Корею мы берем под свою защиту. Капитан Хон отправлен в Сеул с моим поручением к вану Кореи. К утру мы уже будем знать результаты. Только особого выбора у корейского правителя нет: или он с нами против японцев, или он с японцами против нас. Тем более что мы Корею не оккупируем, головы его подданным рубить не будем. Российской империи мы предлагаем военный союз и взаимопомощь на вечные времена. Но об этом разговор будет позже. Сейчас же надо решить один из главных вопросов, точнее, три в одном... Первый из них – Японская империя. Нас вполне устроит ее полный разгром. А дальнейшую ее судьбу будет решать сам Государь. Весь мир должен вспомнить слова нашего великого предка Александра Невского: «Кто с мечом к нам войдет, от него и погибнет».

Посланник Павлов сидел как громом пораженный. Наверное, ему было даже страшно представить, какова будет реакция мировых держав на такие действия. За полвека после Крымской катастрофы многие в России забыли, что она – мировая держава, и вправе вести самостоятельную политику, не оглядываясь на некую субстанцию, именуемую «мировым общественным мнением». Николая Палыч, прадедушка нынешнего императора, ни минуты не сомневался бы в та-

ком случае... Поэтому его и угостили войной с Европейской коалицией. Войдем в контакт с его правнуком, надо будет напомнить ему про шрам от «селедки» японского городового. Чешется, небось, по утрам-то... Но вспомнишь про Великую Британию – и страшно, вот Александр Иванович и сумлевается... Кстати, господин Павлов у нас случайно не англофил? А то уж больно много незаслуженных добрых слов было сказано о англичанах в том рапорте, который он писал в нашей истории...

– Итак, господин действительный статский советник, вы готовы оказать нам помощь в установлении контактов с Государем Императором Всероссийским Николаем Александровичем? На местном уровне помочь нам наладить взаимопонимание с Наместником Алексеевым согласился Всеволод Федорович. Как сами понимаете, факт нашего появления здесь – вопрос государственной важности. Вы можете из Сеула напрямую связаться с Государем?

Павлов прокашлялся, прочищая горло.

– Господа, телеграфная компания в Корее принадлежит Японии, и я даже не знаю, доходили ли до адресатов телеграммы, посылаемые мною в Петербург в последние дни...

Я вопросительно посмотрел на капитана Тамбовцева. Перед этой встречей он специально освежил в памяти все, что касалось начала этой войны. Подняв глаза вверх и сделав задумчивый вид, он сказал:

– Последние ваши телеграммы, полученные в Петербурге,

были датированы двадцатым числом января сего года. И то пришли они с опозданием на трое суток. А после этого ни одной получено не было.

– Господи! – воскликнул обескураженный Павлов, – так что теперь делать?! Я не имею даже возможности напрямую связаться с Государем...

– Мда-с, ситуация... – Тамбовцев повернулся ко мне. – Пожалуй, придется воспользоваться запасным вариантом. А для этого надо убрать из-под Порт-Артура адмирала Того.

– Желательно под воду, – проворчал я. – Господин Павлов, сейчас вас доставят обратно в вашу миссию. Одна к вам просьба: старайтесь делать вид, что все идет по плану и что ранее так и было задумано – завлечь японцев в ловушку и уничтожить. А уж мы сделаем все, чтобы это оказалось правдой.

– Всеволод Федорович, – я посмотрел на Руднева, – а вас, как кадрового морского офицера, я попрошу принять участие в заседании нашего штаба через час с четвертью.

Руднев наклонил голову.

– С радостью, Виктор Сергеевич, – сказал он. – Но у меня к вам встречная просьба: не могли бы вы дать команду, чтобы меня отвезли на ваше госпитальное судно? Я хочу проведать людей, что шли в бой под моей командой. В конце концов, это моя обязанность как командира.

– Разумеется, – я глянул на капитана Тамбовцева. – Александр Васильевич, проводите Всеволода Федоровича на

«Енисей» и проследите, чтобы он тоже показался нашим врачам. Контузия – вещь подлая.

**9 февраля (27 января) 1904 года,
20:45. Внутренний рейд Чемульпо**

**Кают-компания английского
крейсера 2-го ранга «Тэлбот»**

Присутствуют:

Командир крейсера «Тэлбот», коммодор Левис Бейли,

Командир французского крейсера «Паскаль», капитан 2-го ранга Виктор Сенес,

Командир итальянского крейсера «Эльба», капитан 1-го ранга Риччи Бореа,

Командир канонерской лодки флота САСШ «Виксбург», капитан 2-го ранга Уильям Маршалл.

Прошло чуть больше суток с того момента, как здесь, в этой же кают-кампании, почти в том же составе командиры стационаров в корейском порту Чемульпо обсуждали ультиматум, предъявленный японским адмиралом Уриу командиру русского крейсера «Варяг» капитану 1-го ранга Рудневу.

Утром все присутствующие проводили русские корабли в последний путь на верную гибель. Кто из них сомневался,

что «Варяг» и «Кореец» будут потоплены в неравном бою?

Но случилось удивительное – русские корабли уцелели. А вот японская эскадра, вышедшая на бой с русскими, оказалась на дне бухты. Японский десант, высаженный в порту Чемульпо, полностью уничтожили русские войска, высадившиеся с невесть откуда появившейся эскадры. Будто вернулись времена Суворова и Ушакова, и русские армия и флот обрели вторую молодость и здоровую наглость. Причем в молниеносном бою участвовали совершенно новые образцы военной техники, о которых никто из присутствующих здесь командиров никогда и слыхом не слыхивал.

Сейчас представители трех европейских держав и САСШ сидели в кают-компании, пили черный чай со сливками и думали, думали, думали...

Коммодор Бейли, стараясь сохранить внешнюю невозмутимость, размышлял о странностях всего происходящего. Русские, которые в дипломатии всегда действовали с оглядкой на Европу, сегодня повели себя на удивление решительно и даже дерзко. Они не побоялись высадиться в нейтральном порту (о том, что первые это сделали японцы, Бейли постарался забыть), и превратили в воробьиный корм этих самоуверенных и надутых самураев. Кто бы мог вообразить такое всего несколько дней назад!

И кроме того, коммодора поразило, с какой скоростью был выброшен на необорудованное побережье десант с артиллерией и боевыми машинами. Как там у них говорят –

«Одна нога здесь, другая там»? А если бы это было побережье милой Англии, а десантных кораблей было бы не четыре, а сорок? Откуда-то ведь взялась эта эскадра, которая не проходила Суэцким каналом и не огибала мыс Доброй Надежды – в противном случае это стало бы известно британскому командованию на Дальнем Востоке.

Русские корабли бросили якорь в отдалении, но все равно командор знал, что кораблей с такими силуэтами нет ни в одном флоте мира. Особенно поражал плоский как стол монстр непонятого назначения. Кто мог построить русским эту эскадру, так своевременно подошедшую к Чемульпо? Германия и Франция отпадают – это только в романах сочинителя Жюль Верна можно втайне построить огромный корабль. На самом же деле, когда промышленный шпионаж уже стал в Европе делом привычным, это просто невозможно. На восточном побережье Америки ситуация та же. Но вот ее тихоокеанским портам – Лос-Анджелесу, Сан-Франциско, Сиэтлу и Портленду – внимания уделяется совершенно недостаточно. Только оттуда могла прийти эта неожиданная эскадра. Только у американцев хватит денег и технического авантюризма строить корабли совершенно новых классов. На словах они с нами, а на деле... Вот капитан Маршал удивительно спокоен, и даже доволен. Совершенно случайно командор Бэйли узнал, что американец фотографировал все, что происходило в бухте. Неспроста все это. Наверное, он уже написал отчет в свое военно-морское министерство –

и теперь все что, показало себя успешным, САСШ будет массово клепать на своих верфях уже для себя. А промышленной мощи у нее куда больше, чем у старой доброй Англии, которая в первую очередь сильна своей торговлей. Опасны, опасны стали русские, да и за американцами надо присматривать внимательно. Мир становится неуютным для «империи, над которой никогда не заходит солнце»... Бейли решил, что ему необходимо лично отправится в Лондон, чтобы лорды Адмиралтейства из первых уст узнали о событиях в Чемульпо.

А капитан 2-го ранга Виктор Сенес думал о том, что с такими союзниками, как русские, Франция может чувствовать себя в полной безопасности. Привязанная займами Россия просто не может не быть союзницей. Ведь кто еще поможет его любимой Франции побить бошей и отобрать у них Эльзас и Лотарингию? Да и вконец обнаглевших британцев тоже придется вместе с Россией ставить на место. А то уже не осталось места на карте мира, куда бы не пролезли эти пройдохи-бриттты. Лишь бы надутые от спеси индюки от политики в Парламенте и Сенате не наделали глупостей.

«Надо не забыть нанести визит вежливости месье Рудневу и поздравить его со славной победой, – подумал Сенес. – И заодно разведать, что за удивительные корабли, и что за чудо-техника появилась у русских...»

А капитан 2-го ранга Уильям Маршал, командир канонерки «Виксбург», меньше всего думал о политике. Его боль-

ше интересовал бизнес. Волею случая он решил отснять на фото все перипетии боя «Варяга». На фотопластинках были запечатлены: «Варяг», уходящий навстречу японской эскадре, а также горящий «Варяг», канонерская лодка «Кореец», взрывы японских крейсеров, тонущие корабли эскадры адмирала Уриу... и русские корабли, высаживающие десант в Чемульпо.

Боевые машины, истребляющие самураев с такой же легкостью, с какой его предки убивали краснокожих – вот на что было похоже то, что он увидел и отснял. Цивилизованные люди против дикарей. Да уж, с этими русскими лучше дружить и торговать, а опасные игры с огнем лучше оставить британским кузенам.

Уильям Маршал, как истинный янки, прикидывал, сколько тысяч долларов он сможет заработать, если продаст свои сенсационные фото самым крупным американским (да и не только) газетам. Цифры получались впечатляющие, и Маршалл довольно ухмылялся и плотоядно потирал руки.

А итальянец, командир крейсера 2-го ранга «Эльба» капитан 1-го ранга Риччи Бореа, просто смотрел на своих коллег и улыбался. Пылкому уроженцу Италии пришелся по душе рыцарский поступок синьора Руднева. И Риччи Бореа был доволен, что эти «руссо» как следует всыпали наглым желтолицым обезьянам. Страна его не лезла в политику на Дальнем Востоке. А в Европе русские, противостоящие Австро-Венгрии, весьма импонировали командиру «Эльбы»,

потому что проклятые австрияки были заклятыми врагами всех итальянцев.

Первым нарушил молчание коммодор Бейли:

– Господа, что же нам делать? Сидеть и спокойно наблюдать за тем, как русские завоевывают Корею?

– А что вы можете предложить? – отпарировал Виктор Сенес. – Или вы считаете, что мы должны написать еще один протест, только на этот раз вручить его месье Рудневу? А может, вы полагаете, что мы должны открыть огонь по русским кораблям и разделить судьбу бедняги Уриу?

От едких слов, сказанных французом, коммодор Бейли покраснел словно помидор.

– Мистер Сенес, я считаю, что мы не должны остаться в стороне от происходящего вопиющего нарушения всех норм международного права. Ведь Корея – нейтральное государство! – проговорил он.

– Как жаль, что об этом не вспомнили японцы, высаживая здесь десант, – с сарказмом ответил бритту Виктор Сенес. – Да, а разве вы не получили извещение от ныне покойного японского адмирала, что Япония оккупирует Корею? Странно, неужели он только вас забыл об этом известить? Вот и письмо русского адмирала, полученное мной незадолго до этого собрания. В нем он сообщает, что Россия не оккупирует Корею, а всего лишь защищает ее от японской агрессии...

– Синьоры, синьоры, не ссорьтесь! – попытался успокоить своих коллег Риччи Бореа. – Мы сегодня должны выработать

общую позицию на все происходящее. Какие у кого будут предложения?

– Я воздержусь, – оторвавшись о мыслях о выгодном бизнесе, сказал Уильям Маршалл. – Я не получил на этот счет соответствующих инструкций от Госдепартамента, поэтому вы, господа, можете принимать какие угодно решения, но без меня. Впрочем, я готов выслушать все предложения, чтобы сообщить их послу САСШ в Сеуле.

Левис Бейли укоризненно посмотрел на янки, а Сенес лишь досадливо махнул рукой: дескать, что возьмешь с этих белых дикарей из Нового Света. А итальянец понес какую-то околесицу о том, что надо обратиться к обеим сторонам конфликта с предложением соблюдать нейтралитет Кореи.

В общем, участники совещания так ничего и не смогли согласовать. Все, кроме Маршалла, на словах готовы были обратиться с протестом к русским по поводу ведения ими боевых действий в нейтральном порту. Но при этом предлагалось считать такими же нарушителями международного права и японцев, первыми высадившимися в Чемульпо и объявившими об оккупации Кореи. Подобный документ, будучи написанным, больше смахивал бы на послание человека, больного шизофренией. Понимая это, никто из присутствующих и не настаивал на принятии такого решения. Все понимали, что уже завтра на руках у русского адмирала будет бумага с подписью и печатью корейского вана, которая разрешит ему делать в Корее все что угодно. Только бизнес,

и ничего личного.

А противостоять силой вторжению русских в Корею никто не рвался. Чем могла бы закончиться такая попытка, красноречиво говорили обломки японских крейсеров, видневшиеся из-под воды у входа в залив, и трупы японских солдат, для которых несколько десятков нанятых корейцев рыли сейчас большую общую могилу.

Мало-помалу все пришли к выводу, что самой правильной и выигрышной была бы позиция, занятая американским командиром. Действительно, стоит ли лезть в драку, если нет полной уверенности в том, что эта драка не закончится плачевно для ее участников. Поэтому командиры иностранных стационаров, пошумев и поспорив еще часок, свернули бесполезную дискуссию и отдали должное винному погребцу гостеприимного хозяина. При этом каждый из них для себя решил, что завтра с утренним приливом он поднимет якорь... и отправится своей дорогой. После того, как Корею заняли японцы, а потом и русские, пропал всякий смысл в кораблях-стационарах. Кроме того, каждый командир хотел лично доложить своему начальству обо всем увиденном и услышанном.

**9 февраля (27 января) 1904 года, 22:00,
Внешний рейд Чемульпо за островом Идольми**

**ТАКР «Адмирал Кузнецов»,
Адмиральский салон**

Контр-адмирал Ларионов Виктор Сергеевич

За большим длинным столом собрались командиры кораблей и офицеры моего штаба, герои сегодняшнего дня. Рядом со мной расположился мой штаб: начальник штаба капитан 1-го ранга Сергей Петрович Иванцов, полковник СПН ГРУ Бережной Вячеслав Николаевич, полковник СВР Антонова Нина Викторовна. На груди у обоих полковников – орденские колодки с несколькими рядами разноцветных ленточек. Тут же скромно пристроился Тамбовцев Александр Васильевич, журналист-международник, в прошлом капитан ПГУ КГБ СССР. Лучшего специалиста по международным делам у нас здесь нет. Ведь никто из нас не готовился заниматься политикой начала XX века.

Чуть дальше сидят командиры боевых кораблей. И не только они. Рядом с командиром ТАКР «Адмирал Кузне-

цов» капитаном 1-го ранга Андреевым – командир авиагруппы полковник Хмелев. Он лично первым поднял в небо 1904 года свой Су-33 с разведывательным оборудованием на внешней подвеске. Теперь мы знаем о Того все. С высоты семнадцати километров Желтое море – просто лужа, видимая чуть ли не насквозь. Чуть дальше сидит командир ракетного крейсера «Москва», капитан 1-го ранга Остапенко, прихлопнувший грозную «Асаму» как назойливую муху. За ним – командир эсминца «Адмирал Ушаков», капитан 1-го ранга Иванов, который сегодня дал стационарам «мастер-класс игры на балалайке» – то есть на артиллерийском комплексе АК-130. Все так впечатлились, что я даже не получил ожидаемого протеста на наше вторжение в Корею. Промолчал даже англичанин, что явно не к добру. Мистер Бейли, коммодор флота Его Величества, прислал извещение, что завтра с утренним приливом собирается покинуть порт, который потерял свой нейтральный статус и стал ареной боевых действий. Чуть позже к нему присоединились и остальные стационары. Короче, статисты удаляются со сцены, аккуратно раздирая одежды и посыпая голову пеплом.

Отсутствует командир атомной подводной лодки «Северодвинск», капитан 1-го ранга Верещагин – его лодка в подводном положении дежурит на траверзе Чемульпо, вместе с дизельной субмариной «Алроса». Сюда они могут войти только в надводном положении, а преждевременное их рассекречивание не входит в мои планы. Это «сюрприз» для

британского адмиралтейства – на тот случай, если Британия все же полезет на рожон. Люди нарвутся, а нам приятно.

По другую сторону стола сидят другие герои сегодняшнего дня. В буквальном смысле герои. Это капитан 1-го ранга Руднев, которому на «Енисее» сняли повязку и зашили рану. Рядом с ним – командир «Корейца» капитан 2-го ранга Беляев. Не беда, что кораблик маленький и устаревший; он содержится в идеальном состоянии – как в содержании технической части, так и в отношении подготовки личного состава. Чувствуют себя господа Руднев и Беляев несколько неуютно и настороженно. Но ничего, это пройдет. Никто из них не похож на живодера Вирена, которому наши командиры точно руки не подадут.

Дальше сидят командиры большого противолодочного корабля «Североморск»: капитан 1-го ранга Перов и командиры сторожевиков «Ярослав Мудрый» и «Сметливый» – капитаны 2-го ранга Юлин и Гостев. Сегодня они неплохо отметились, уничтожив группу японских транспортов, ожидавших конца боя западнее канала Летучей рыбы. Кроме транспортов, в подводное положение было переведено и сопровождавшее их авизо «Чихайя». Хорошо поработали: уничтожено больше пяти тысяч солдат, несколько сотен лошадей, три десятка полевых орудий. Особо эффективным было нетрадиционное применение по пароходам с войсками реактивных бомбометов РБУ-6000.

И в самом конце стола – командиры четырех больших де-

сантных кораблей «Калининград», «Александр Шабалин», «Новочеркасск», «Саратов», а также капитаны 2-го ранга Сильвестров, Шкренов, Искангалиев, Юсин. По уважительной причине отсутствуют командиры рот морской пехоты. Они на берегу, завершают ликвидацию высадившейся японской группировки.

Я встаю, и разговоры немедленно стихают.

– Итак, господа и товарищи, нам надо решить несколько вопросов. И первый из них – это адмирал Того, который отрезал нас от Порт-Артура, а мы в свою очередь отрезали его от базы в Сасебо и от всей Японии. С этим надо кончать, тем более что под Порт-Артуром собран почти весь японский флот.

Голову поднял капитан 2-го ранга Юлин, один из самых активных участников Цусимского форума.

– Товарищ контр-адмирал, насколько я помню, японский крейсер «Мацусима» на траверзе Шанхая в настоящий момент караулит нашу канонерку «Манджур»... Разрешите «Ярославу Мудрому» взять на себя самостоятельное задание по деблокаде Шанхая...

Я посмотрел на него «отеческим» взглядом и сказал:

– Мы, Виктор Петрович, пока еще с Того ничего не решили... Так что до «Мацусимы» очередь потом тоже дойдет... Но при возможности я учту ваше пожелание. Товарищи, – обратился я к присутствующим, – совершенно очевидно, что мы не имеем артиллерийских орудий, которые могли

бы справиться с японскими эскадренными броненосцами 1-го ранга. Или если точнее, справиться при разумном расходе артиллерийских боеприпасов. То же касается и тяжелых броненосных крейсеров типа «Асама». Японские же бронепалубные крейсера, наоборот, должны быть крайне подвержены действию наших фугасных 130-мм снарядов. Обстановка у Порт-Артура в настоящий момент такая. Адмирал Того решил добить наши поврежденные корабли. Ну, а эскадра, соответственно, мешает ему это сделать. В настоящий момент у Того небольшое превосходство в эскадренных броненосцах – шесть против пяти, и абсолютное в броненосных крейсерах – пять против одного. Да и этот один, французской постройки, вооружен в два раза слабее, чем аналогичные ему по классу японские корабли. В бронепалубных крейсерах у японцев тоже почти полуторное преимущество – это если считать «Диану» за крейсер.

Тут все сдержанно заулыбались: слабое бронирование и вооружение, а также тихоходность лишали знаменитую «Аврору» и ее сестриц «Диану» и «Палладу» всякого смысла к существованию. Боевая ценность этих кораблей в сражении была равна нулю. Они были пригодны разве что ловить жирных купцов где-нибудь на глухих задворках или гонять рыбаков. Но это будет потом... А сейчас...

– Итак, вот состав соединения, которое мы выставим против объединенного флота Того, – продолжил я, – Флагман – ракетный крейсер «Москва», второй корабль линии, эсми-

нец «Адмирал Ушаков», третий корабль линии БПК «Североморск»... и все! СКР «Сметливый» и БДК «Новочеркасск» очистят от японцев острова Элиота и по возможности восстановят действие телеграфа. Для чего «Новочеркасск» немедленно подойдет к берегу и примет на борт роту морской пехоты. «Ярослав Мудрый», согласно желанию его командира, направляется к Шанхаю для вызволения из плена канонерки «Манджур». Виктор Петрович, с англичанами будьте холодно-вежливым, японцев топите без разговоров. Все. Прочие остаются здесь... Да, и вот еще что. «Северодвинску» я отдал приказ выйти к Японии, найти и перерезать все телеграфные кабели, связывающие ее с материком, а также отдельные острова между собой. Хорошая работа базирующимся там подводным диверсантам. Пусть японцы потом чинят. При случае, если один из кабелей заминировать, может выйти что-то интересное. Ведь кабелеукладчик в Японии только один. Информационная блокада, товарищи, это тоже очень важная вещь... Ну а теперь о тех, кто остается в Чемульпо. Это «Адмирал Кузнецов», «Саратов», «Калининград», «Александр Шабалин», «Смольный», «Перекоп» и другие вспомогательные корабли.

Я посмотрел на командира «Корейца» капитана 2-го ранга Беляева и сказал:

– Григорий Павлович, вам я приказывать не могу, могу только просить. Всеволод Федорович, я надеюсь, что вы пойдете вместе с нами к Артуру, чтобы лично доложить Намест-

нику обо всем, что произошло здесь в Чемульпо. «Варяг» пока не боеспособен, а вас, Григорий Павлович, я попрошу включить «Кореец» в нашу систему обороны порта, надеюсь, когда придем обратно, у вас уже будут инструкции по этому вопросу от вашего начальства.

Беляев кивнул.

– Так точно, господин адмирал, все будет исполнено. В линейном бою, как выяснилось, от нашего «Корейца» весьма мало проку, но вот среди мелей и островов мы еще способны причинить кое-кому немало неприятностей.

Я пожал ему руку.

– Благодарю вас и не сомневаюсь, что ваш «Кореец» выполнит свой долг.

– На этом все! Возражения есть?

Я подождал секунд десять, потом подвел итог:

– Нет? Тогда – за работу! Ударная группа снимается с якоря в 23:30, группа, атакующая Элиоты – в 00:30, «Ярослав Мудрый» выходит к Шанхаю по готовности.

**10 февраля (28 января) 1904 года, 15:05,
внешний рейд Порт-Артура ЭБР «Микаса»**

Вице-адмирал Хейтхатири Того

Второй день продолжались безуспешные попытки Объединенного флота под командованием вице-адмирала Того добить поврежденные русские корабли и перевести свою, пока еще относительную победу, в ранг абсолютной. С самого начала все пошло не так, как планировалось. Сначала японской разведке не удалось точно определить место дислокации русского флота. Мнения разделились – одни полагали, что флот русских стоит на рейде Порт-Артура, другие – в Таиенванском заливе. Соответственно, пришлось разделить миноносцы на два отряда. Потом командиры этих кораблей, кусотарэ (в переводе с японского: «головы, набитые дерьмом»), не смогли утопить ни одного русского корабля. Были всего лишь повреждены два русских броненосца и крейсер.

Правда, боги немного подсластили горькую пилюлю: в русской эскадре из строя вышли самые современные броненосцы, «Цесаревич» и «Ретвизан»: как раз те, что могли на равных посостязаться с кораблями его Первого Боевого отряда. Но они были не потоплены, а лишь повреждены, и

успели приткнуться к берегу, оказавшись под прикрытием артиллерийских батарей. Теперь, если русским удастся втащить их в гавань и отремонтировать, японский флот снова потеряет преимущество в эскадренных броненосцах, и возможно, что уже навсегда. Ведь у России, кроме Тихоокеанской эскадры, есть еще два полноценных флота – Черноморский с Балтийским. И хоть английские союзники клянутся, что не допустят переброски русских кораблей на Тихий океан, надо помнить, во-первых, что не стоит доверять клятвам западных варваров, и во-вторых, что у Японии нет запасных флотов, откуда могло бы прийти подкрепление. Фактически сейчас под Порт-Артуром собрано все, что есть у его страны, включая старую развалину императрицы Цыси – допотопный барбетный броненосец «Чин-Иен».

Все корабли здесь, кроме отряда адмирала Уриу, который уже сутки не дает о себе знать. Телеграфисты на островах Элиота говорят, что со вчерашнего дня из Кореи не поступило ни одной телеграммы. Наверное, поврежден кабель. Но при любом варианте развития событий отряд должен был дать о себе знать. В крайнем случае, контр-адмирал должен был прислать миноносец с донесением о том, что «Варяг» потоплен или захвачен... Правда, они могли утопить русский крейсер прямо на фарватере. В этом случае Сотокити-сан лучше совершить обряд сэппуку, ибо, вдобавок ко всем неприятностям, по его вине будет сорван график высадки войск 1-й армии генерала Куроки.

А в полдень случилось вообще нечто невероятное. В разрывах облаков на большой высоте был виден некий летающий объект – он прошел над Порт-Артуром, как определил штурман «Микасы», на высоте около девяти миль и со скоростью примерно девятьсот узлов. Неизвестный объект оставил после себя длинную белую черту, будто сотканную из белой ваты – она плавно изгибалась как раз над центром Порт-Артура. Японские офицеры спорили, как истолковать это знамение – к добру, то есть к скорой победе, или... Вице-адмирал не верил ни в какие знамения. Как человек рационально мыслящий, он увидел во всем этом творение рук человеческих. Но вот кому мог принадлежать этот аппарат, превосходящий изделия братьев Райт так же, как отточенная фамильная катана превосходит каменный топор. Девятьсот узлов – это же скорость артиллерийского снаряда! Несомненно, то же самое видели и русские моряки. На мгновение Хейтхатиросан стало интересно, что об этом подумали русские адмиралы: Алексеев – на берегу, и Старк – на эскадре.

**10 февраля (28 января) 1904 года, 15:05.
Порт-Артур. НП флота на Золотой горе**

**Наместник Е.И.В. на Дальнем Востоке,
адмирал Алексеев Евгений Иванович**

Вице-адмирала Алексеева начало войны тоже не радовало. С наблюдательного пункта флота открывался великолепный вид на внешний рейд и на маневрирующие в море русские и японские корабли. Когда японцы приближались к берегу на достаточное расстояние, раздавался исполинский грохот. Это расположенная ниже его НП батарея «Электрического Утеса» выбрасывала в их сторону пять 10-ти дюймовых снарядов. Кроме грохота, над батареей каждый раз поднималось плотное облако белого дыма. Адьютант вице-адмирала, лейтенант фон Бок, еще вчера записал в своем блокноте: «Генералу Белому, капитану Гобято. Срочно перевести „Электрический утес“ на бездымный порох.» Мда-с, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Вице-адмирала тревожило отсутствие известий от «Варяга» с «Корейцем». Блокированный в Шанхае «Манжур» смог послать сообщение по телеграфу. А вот от Руднева с Беляевым пока ни слуху, ни духу. Конечно, хотелось бы верить

в лучшее, но, судя по событиям прошлой ночи, они вполне могли стать жертвой японского коварства. Скорее всего, они погибли при внезапной ночной атаке японских миноносцев, и даже крейсера «Чиода», стоящего на том же рейде. Ну и что, что нейтральный порт: от злобных японских макак, напавших на русский флот без объявления войны, можно было ожидать чего угодно.

Война началась крайне неудачно: помимо того, что отсутствовали «Варяга» с «Корейцем», в Порт-Артур не пришли несколько пароходов с военными грузами – а это значило, что, скорее всего, они захвачены в Желтом море японскими крейсерами. Повреждены два новейших броненосца и еще один крейсер – хоть новый, но уж успевший устареть по своим тактико-техническим характеристикам – под названием «Паллада». Да и оставшиеся в строю корабли маневрировали крайне неловко, а стреляли в основном мимо. Сказались урезанные умниками под Шпицем средства на проведение учебных стрельб и на дальние походы. Хотя в этом случае виновны не они, а министерство финансов, которое в приступе скопидомства экономит на всем. Вчерашние маневры и стрельба прекрасно показали все недостатки. Позор!

В этот момент Всевышний вроде бы услышал пожелания вице-адмирала Алексеева. «Электрический утес» в очередной раз выбросил в сторону японских броненосцев пять плотных дымных султанов. Алексей поднял бинокль к глазам – и успел увидеть вокруг второго по счету корабля в ко-

лонне четыре высоких всплеска и сильный взрыв на самом броненосце, аккурат между трубами. Секунду спустя поврежденный японский корабль окутался густыми клубами белого пара. Накрытие, да еще и с прямым попаданием, явно пробиты паропроводы... Молодцы утесовцы, порадовали!

Полуденное «явление» в небе над Артуром вице-адмирал Алексеев тоже видел, но не придавал ему большого значения. Ум его в этот момент был занят совсем другим. Он лишь перекрестился и три раза прочитал «Отче наш». К сожалению, многие наши адмиралы и генералы, в отличие от японских, не страдали приступами крайнего рационализма. А зря. Русские же матросы и солдаты на верках в минуты передышки яростно спорили между собой, какой из архангелов почтил своим присутствием битву. Накал споров чувствительно сбивало присутствие японцев, как и необходимость вести по ним огонь. Шли вторые сутки войны.

Из-за чрезмерной занятости и сосредоточенности друг на друге никто не заметил появление на поле сражения новых игроков, которые отнюдь не собирались оставаться в этом деле статистами и намеревались исполнить «а капелла» такую музыку, что ею заслушается весь мир.

**10 февраля (28 января) 1904 года, 15:05,
внешний рейд Порт-Артура. РК «Москва»**

Капитан 1-го ранга Всеволод Федорович Руднев

Я стою на главном командном посту ракетного крейсера «Москва». Передо мной – полубак с надстройкой, на которой установлены какие-то странные аппараты. По бортам попарно находятся пусковые контейнеры того самого оружия, что одним ударом уничтожило «Асаму», и которое, по словам капитана 1-го ранга Остапенко, легко отправило бы на дно самый мощный броненосец. Но потомки сказали, что такое смертоносное оружие надо приберечь, и поэтому «большая дубинка» подождет другого случая. Сразу за надстройкой видна полусферическая носовая башня крейсера, первая и единственная.

Вот и настал тот момент, ради которого мы и шли к Артуру. Впереди, почти по курсу, примерно в двухстах кабельтовых, показались дымы японской эскадры. Весь горизонт был затянут мутной копотью. Шестнадцать кораблей, построенных в две колонны, ползли почти по самому горизонту к Порт-Артуру.

– Полюбуйтесь на вторую часть Марлезонского балета, –

с улыбкой сказал капитан 1-го ранга Остапенко, опуская бинокль, – суши покушали, сакэ выпили – и вперед, банзай! Ну что там у вас? – Он повернулся к командиру БЧ-2 (по-нашему старарту) Валентину Сергеевичу Петрову, офицеру, носящему странное для меня звание, капитан 3-го ранга, который в это время быстро-быстро перебирал на особом приборе, именуемом «ноутбук», фотографии силуэтов японских кораблей, время от времени поглядывая на эскадру Того в бинокль.

Этого человека стоит отметить особо. С Валентином Сергеевичем мы проговорили едва ли не всю ночь. Интереснейшая личность: во-первых, знаток своего дела, а во-вторых, фанат истории военно-морского флота и, в частности, этой злосчастной войны. В своем времени он входил в клуб, именуемый «Цусима». Когда я спросил, почему такое название, он ответил, что в Цусимском проливе в их истории в мае 1905 года произошла страшная битва, в которой русский флот потерпел полное поражение. Кстати, история «Варяга» волнует людей не меньше. Эти раны продолжали болеть и через сто лет.

Валентин Сергеевич предложил мне прочесть беллетристическое сочинение некоего господина Чернова под названием «Варяг-Победитель». После нескольких страниц я пришел в ужас... Но по здравом рассуждении понял, что, наверное, только так и можно жить в этом кошмарном XX веке, на подлость и беспринципность отвечая тем же. Вот и

контр-адмирал Ларионов ни на секунду не заколебался, применив в отношении японцев всю чудовищную мощь – так же, как поступили и они с «Варягом» и «Корейцем». Недаром же в Святом Писании сказано: «Ибо какою мерою мерите, такую же отмерится и вам». Контр-адмирал Уриу познал эту истину на своей шкуре. За время нашего длинного разговора за стаканом крепчайшего черного чая я узнал о японском флоте и его командирах столько подробностей, что господин Того предстал передо мной во всей красе. Жаль, что все это скоро станет неактуально, поскольку наши потомки собираются японский флот утопить целиком и полностью... Для меня это звучит шокирующее – я и верю, и не верю в эту затею. Но, наверное, господину Того пришлось время платить по счетам.

Капитан 3-го ранга Петров поднял голову, лицо его было серьезно.

– Товарищ капитан 1-го ранга, в ближней к берегу колонне – эскадренные броненосцы, все шесть штук, – сказал он. – Головной – точно «Микаса», особенностей остальных не разобрать. Но без разницы. За ним – три бронепалубных крейсера из шестого отряда: «Идзуми», «Сума», «Акицусима»; четвертый, «Чиода», нами уже потоплен. В той колонне, что идет мористее, в голове броненосные крейсера, головным должен быть флагман второго отряда «Идзумо», за ним – единственный в семействе трехтрубник немецкой постройки «Якумо», далее следуют бронепалубные крейсера третье-

го отряда: «Читосе», «Такасаго», «Касаги» и «Иосино». Построение Объединенного Флота – почти как при Цусиме...

Контр-адмирал Ларионов посмотрел на капитана 1-го ранга Остапенко.

– Ну что же, действуем как и договаривались, начинаем есть этого крокодила с хвоста. Боевая тревога! – возвестил он. – Скорость двадцать пять, атака с кормовых углов.

«Москва» легла в левую циркуляцию, устремляясь вслед ушедшему к Порт-Артуру японскому флоту. У японцев экономичная скорость десять-двенадцать узлов, у нас вдвое выше. Дистанция до концевых японских кораблей быстро сокращается. Приказ открыть огонь поступил, когда до замыкающего корабля левой колонны оставалось девяносто пять кабельтовых. Стволы орудий взметнулись вверх, и я увидел, как пятидюймовки из будущего молотят подобно митральезе. По десять фугасных снарядов на ствол, пятнадцать секунд стрельбы – и тишина. Следующий за нами «Ушakov» открыл огонь по замыкающему правой колонны. Он вел огонь пока только из носовой башни. У его кормовой башни для ведения огня на таком курсе не хватало угла разворота.

Тикает секундомер в руке у старарта. На тридцатой секунде с момента начала стрельбы снаряды начинают долетать до цели.

Сначала я решил, что прицел взят неверно или есть ошибка в расчетах, потому что всплески большей частью поднялись с небольшим недолетом. Но было и прямое попада-

ние... Напоминает как минимум наши десять дюймов, а то и все двенадцать. Потом под водой, у борта и под днищем, вздымая фонтаны воды, стали рваться снаряды, упавшие с недолетом. Японский крейсер, не снижая хода, начал крениться на левый борт, один из последних снарядов рванул под пером руля; искалеченный крейсер понесло налево, все больше усиливая губительный крен. Вот он лег на борт, окутываясь облаками пара, и затонул. Жертве «Ушакова» досталось не меньше. Он осел кормой по самую палубу, а в районе кормового орудия что-то ярко горело, извергая языки пламени. Кажется, снаряд с «Ушакова» воспламенил полузаряды первых выстрелов, сложенные непосредственно у орудия. Пока он там тонет, мы берем на прицел следующую пару японских кораблей.

Как странно: японский флот, потеряв два корабля, никак на это не реагирует. Ну, нам так даже проще. Сжимаю кулаки и переживаю, будто это мои артиллеристы ведут огонь по врагу. Минута – и еще два крейсера, садясь кормой, покидают строй. У одного из них в небо бьет ярко-радужная струя пламени – горит кормовой пороховой погреб, и японский корабль уже не жилец на этом свете. Английская система картузного безгильзового заряжания при малейших неприятностях сулит большой пожар и гибель. А тут, кажется, снаряд угодил в элеватор. На грохот сгорающего пороха невозможно не обратить внимания, и японские флагманы наконец заметили то, что творится у них в хвосте. Пока они ничего не

предприняли, мы разносим в клочья третью пару. Оба тонут, окутанные дымом и пламенем.

Мы еще за пределами досягаемости их орудий. Замыкающий броненосец дает по нам залп из своей кормовой башни – недолет кабельтовых десять. Два исполинских водяных столба поднимаются над водой, японские снаряды рвутся сразу, не успевая уйти на глубину. «Москва» доворачивает примерно на румб с четвертью влево... Так, «Ушаков» приведен в позицию стрельбы обеими башнями по концевому броненосцу. Что он задумал? Легким двухпудовым фугасным снарядом ему не пробить ни бронепояс, ни броню башни. Снаряды ушли к цели, накрытый «Москвой» бронепалубный крейсер горит как костер, а мы в крутой левой циркуляции уходим от японских броненосных крейсеров, которые бросились на нас разворотом «все вдруг».

Я чувствую ярость японского адмирала – всего за каких-то семь минут он лишился семи... Господи, нет – восьми кораблей! Замыкающий броненосец, по которому вел огонь «Ушаков», получил снаряды под самую корму. А там винты и перо руля... Не больше четырех снарядов разорвались на бронепоясе, а остальные взметнули в небо белопенные фонтаны воды. Во вчерашнем бою у «Варяга» тоже свернуло на бок и заклинило перо руля. Но «Варяг» неуправляемая циркуляция вынесла на безобидный островок Идольми, а японский броненосец тащит прямо под Электрический утес. А там – этот маньяк артиллерийской стрельбы Борейко, кото-

рому только дай пострелять из его десятидюймовок! Уж он-то своего шанса не упустит. Сказать честно, по огневой мощи его батарею можно приравнять к броненосцу, а то и к двум... Выглядываю на галерею правого борта – точно, по злосчастному японцу бьет не только Электрический утес, но, кажется, все батареи правее Прохода. Если японцы немедленно не исправят рулевое управление, их броненосец добьют.

Отсюда, с мостика, хорошо видны японские броненосные крейсера, которые гонятся за нами строем пеленга, постепенно набирая ход. Хорошо здесь, просторно, не то что та проклятая Чемульпинская лужа, где «Варяг» был вынужден идти по фарватеру, как паровоз по рельсам – ни шагу вправо, ни шагу влево. А тут глубины великолепные: если что не так, тонуть будет комфортно... А японские броненосные крейсера все дальше и дальше уходили от пяти броненосцев первого боевого отряда.

Контр-адмирал Ларионов, вышедший вместе со мной на крыло мостика, некоторое время смотрел в бинокль на японские броненосцы, которые вот-вот должны были подойти к точке поворота (если, конечно, вице-адмирал Того не желал таранить полуостров Ляотешань), потом повернулся и крикнул в открытый люк командного пункта:

– Василий Васильич, будь любезен, врежь «Микасе» «Фортгом» в аккурат между трубами! Но только по высокой траектории.

– А что не «Осой»? – отозвался капитан 1-го ранга Остапенко.

– Далековато для «Осы», да и толку с нее меньше! Не жадничай – увидишь кое-что интересное...

Командир «Москвы» кивнул, и контр-адмирал потянул меня за рукав внутрь рубки. По правде говоря, тогда я не понял почти ничего из них разговора... Как можно ударить броненосец фортом – ведь это сухопутное укрепление? И причем тут осы? И почему мы должны уйти с мостика, такого удобного для наблюдений?

Но хозяева тут – Ларионов с Остапенко, и они лучше меня знают, что тут можно делать, а что нет. Едва мы успели скрыться внутри и вахтенный закрыл за нами люк, как коротко взвыла сирена. Вслед за тем раздался ужасный грохот, корабль затрясся, и все снаружи заволокло плотными клубами белого дыма. Да, такой «Форт» лучше пересидеть внутри.

Когда дым снесло назад, вахтенный снова выпустил нас с контр-адмиралом наружу. Высоко в небе, склоняясь к японской эскадре, набирал высоту ракетный снаряд. Да какой там снаряд – снарядище, длиною, наверное, сажени в три-четыре, и калибром как у мины Шварцкопфа. Забравшись высоко-высоко, выше облаков, он развернулся и камнем стал падать в сторону японских броненосцев.

Тогда же, и там же. ЭБР «Микаса», вице-адмирал Хейтхатино Того

Когда сигнальщик доложил, что наш флот с кормовых углов атакуют три русских корабля, то я поначалу ему не поверил. Возможно, что это мое неверие стоило жизни тысячам сынов Ямато. Увидев, что происходит, я пришел в ужас. Эти русские открыли огонь с запредельных дистанций, в девяносто-сто кабельтовых. Они убивали мои бронепалубные крейсера, как волки режут овец – одного за другим. Какие же у них орудия, если они могут стрелять на такую огромную дистанцию со скорострельностью револьверных пушек? Что у них за снаряды, если после десятка попаданий идет на дно корабль в три тысячи тонн водоизмещением?

Удивляла их меткость – всплески от падающих снарядов имели малое рассеивание и ложились очень кучно. Теперь понятно, что стало с отрядом контр-адмирала Уриу. Если эта троица не побоялась напасть на весь наш флот, то что ей шесть кораблей, к тому же не самых сильных. Озадачивало нас еще одно – вчера мы успели убедиться в том, что русские взрыватели тугие, и для их срабатывания обязательно нужны попадания в броню. При ударе об воду они не взрывались. Наши фугасные трубки, наоборот, очень чувствительные, и срабатывают, едва коснувшись препятствия, будь это поверхность воды или нежный шелк. Снаряды этих русских

кораблей взводились при ударе об воду, но взрывались не сразу, а через некоторое время, когда снаряд успевал уйти на несколько ярдов вниз. Мои корабли один за другим выходили из строя, садясь на корму с поврежденными винтами и рулем.

На «Касаги» вспыхнул пожар в кормовом пороховом погребе – наверное, русский снаряд попал прямо в элеватор. Я передал на «Идзумо» приказ развернуться «всем вдруг» и атаковать наглцов. Надеюсь, господин Камимура выполнит свой долг.

Но пока сигнальщики возились с флажками, пока их поднимали, русские успели превратить в пылающий костер мой последний бронепалубник «Читосе», и сами собрались совершить левый поворот. Атакующие нас корабли были прекрасны в своем убийственном великолепии, их остроносые корпуса разрезали море как катана режет шелковый платок, подброшенный в воздух, а не сминали его неодолимой тяжестью металла. Вряд ли корабль, способный развить такую скорость, обладает сколь-нибудь значительным бронированием. Но прежде чем уклониться от весьма неуклюжей атаки отряда Камимуры, эти странные русские нанесли нам еще один разящий удар. Развернувшись к нам в ракурсе «три четверти», второй русский крейсер вдруг затрепетал вспышками выстрелов обеих своих скорострелок в орудийных башнях. У меня даже начало складываться хокку: «Прекрасная бабочка с крыльями из огня несет смерть».

Под накрытие попал замыкающий нашу колонну броненосец «Хацусе». Меньше чем через минуту над мачтой броненосца затрепетал вымпел «не могу управляться», а сам корабль покинул кильватер. По широкой дуге его понесло прямо к русскому берегу, под огонь береговых батарей, которые немедленно открыли по нему стрельбу, и вокруг несчастного корабля начали вставать фонтаны воды. А русские корабли, причинившие нам такой урон, легко отрывались от погони наших броненосных крейсеров. По крайней мере, расстояние между преследователями и преследуемыми не увеличилось.

Внезапно я увидел, как над головным русским кораблем вспух клуб белого дыма. Я уже было обрадовался, как и все прочие из команды «Микасы», громко закричавшие «Банзай!». Наивные, мы думали, что на русском корабле что-то взорвалось. Как бы не так! Из клуба дыма подобно демону из ада вверх вырвался стремительный копьеподобный металлический снаряд, возносящийся вверх на струе ярчайшего огня. Где-то высоко над облаками он развернулся и ринулся вниз. Огненный демон в полной тишине подобно атакующему соколу падал на мой флагманский корабль.

Я отдал рулевому приказ на маневр, чтобы избежать его атаки, но это порождение ада было быстрее. Как молния он врезался в нашу несчастную «Микасу» между трубами. Сильнейший взрыв сбил меня с ног и швырнул в угол мостика. Я еще дешево отделался. У сигнальщика, что стоял ря-

дом, куском металла снесло полчерепка. Еще несколько офицеров моего штаба были искалечены. Поднявшись на ноги и обернувшись назад, я увидел картину ужасного разрушения. Труб не было. Вместо них на палубе возвышались куски искореженного металла, срезанные примерно на высоте человеческого роста. Повсюду стелился жирный черный дым. Часть котельных вентиляторов была изуродована и бездействовала; те же, что продолжали работать, тянули в кочегарки не свежий воздух, а удушливый угольный дым. Скорость «Микасы» ощутимо падала, ее ранение было серьезным, почти смертельным. Особенно опасно было то, что рядом был враг, готовый в любой момент отомстить за нанесенную обиду.

Последние четверть часа мы совершенно не обращали внимания на Порт-Артурскую эскадру. Наши глаза были обращены на крейсера, что атаковали нас со стороны моря. Сказать по правде, они заслужили такое внимание. Принадлежи эти корабли флоту Страны Восходящего Солнца, про них была бы написана не одна хвалебная танку. Так и должен действовать каждый воин: дерзко, с отвагой, соразмеряемой точным расчетом, сознавая свои сильные и слабые места.

Но мы были в этом море не одни. Забытая нами Порт-Артурская эскадра набрала ход и пошла наперерез. «Кроссинг Т»: пять русских броненосцев, один броненосный и один бронепалубный крейсер против четырех с половиной японских броненосцев – бой насмерть.

«Асахи», «Фудзи», «Ясима», «Сикисима» никуда не уйдут, пока здесь есть подбитая «Микаса» и их адмирал в опасности. Долг самурая тяжел, как гора, а смерть легка как перышко. Расстояние до русских кораблей стремительно уменьшается. Эти безумцы решили подойти на пистолетный выстрел?

Приказываю поднять приказ остальным броненосцам оставить «Микасу» и уходить в открытое море. Я тоже знаю, что такое долг. Сегодня не наш день, и надо спасти хоть что-то. Проклятые русские крейсера – они так легко превратили победу в поражение, а охотника в дичь. Мне докладывают: фалы оборваны, почти все сигнальщики погибли. Нет, нашли одного, и он флажками семафорит мой приказ на «Сикисиму».

Все, приказ принят – и четыре броненосца беспорядочно направляются на юго-восток в сторону открытого моря, по пути перестраиваясь в строй пеленга. А вокруг «Микасы» уже стали падать эти проклятые русские снаряды.

**10 февраля (28 января) 1904 года, 15:35,
внешний рейд Порт-Артура. РК «Москва»**

Капитан 1-го ранга Всеволод Федорович Руднев

В рубке «Москвы» крики восторга и аплодисменты. Все поздравляют лейтенанта, так снайперски пославшего ракетный снаряд в «Микасу». Взрыв был немалой силы – и, кажется, японский броненосец лишился всех своих труб. Картина действительно интересная: окутанная жирным черным дымом, теряющая скорость «Микаса» висит как гирия на хвосте японской эскадры.

Но тут поблизости от нас разыгрывается новая драма. Уходящий от преследования «Адмирал Ушаков» открыл по ближайшему вражескому крейсеру, трехтрубному «Якумо», беглый огонь в парфянском стиле из кормовой башни. Дистанция между кораблями – кабельтовых семьдесят. Это примерно на милю больше, чем дальнобойность орудий «Якумо», и половина от максимальной дальности для «Ушакова». Белопенные столбы разрывов стали стеной подниматься у форштевня японского броненосного крейсера. Не все снаряды уходили в воду, некоторые ударялись о корпус крейсера, а один разорвался на броне боевой рубки. Неуже-

ли таким способом можно остановить громадину водоизмещением в десять тысяч тонн? Не верю... Но что это – на двадцати узлах скорости нос крейсера все глубже и глубже зарывается в воду! Это не особо заметно – наверное, оттого, что вокруг все время рвутся снаряды и японский крейсер продолжает идти прямо на нас...

Опасно кренясь в левом развороте и шатаясь будто пьяный, сбрасывая скорость, «Якумо» выходит из атаки. На его мачте болтаются какие-то сигналы. Огонь по нему прекращается, точнее, переносится на следующую цель. Когда он разворачивается к нам кормой, то видно на треть торчащее из воды перо руля. Еще немного – и...

– Что за чудеса? – бормочу я вслух свои мысли.

– Никаких чудес! – отвечает мне контр-адмирал Ларионов. – Все просто, если знать технологию вашего кораблестроения. Корпус корабля собирается на заклепках. В середине корпуса, на прямолинейных участках, заклепки стальные, зачастую они прочнее тех листов обшивки, которые скрепляют, обшивка рвется, а клепаный шов остается целым. Ставит такие заклепки гидравлическая клепальная машина, у которой достаточная сила удара и скорость работы. Но в узкие и фигурные оконечности вокруг форштевня и ахтерштевня с клепальной машиной не подлезть. Там раскаленные докрасна заклепки ставит мастеровой с кувалдой. А поскольку тугую стальную заклепку вручную просто невозможно развальцевать за то время, пока остывает ме-

талл, то там применяются более мягкие заклепки из чугуна с примесью шлака. В обычном режиме их прочность почти приемлема, но они крайне не любят резких ударов. Тогда внешняя головка – «крак», и обламывается. Заклепку выбивает внутрь – и получается дырка диаметром около полутора дюймов. Хорошо если одна, но при близких подводных взрывах таких дыр возникает сотни... В носовой части ситуацию усугубляет набегающий поток воды. Вы видели, что случилось с крейсером немецкой постройки – он поврежден, причем очень тяжело. Сейчас «Адмирал Ушаков» перенес огонь на одного из «англичан», и мы проверим на практике версию о большей прочности корпуса «немцев».

На «Адмирале Ушакове» его словно слышали, а может, и в самом деле это была команда (я все еще путаюсь, когда эти ребята шутят, а когда говорят всерьез). Пока мы разговаривали, снаряды стали рваться в воде вокруг следующего японского крейсера (на мой взгляд, представлявшей собой систершип убиенной в Чемульпо «Асамы»). Я до сих пор удивляюсь, когда корабли эскадры адмирала Ларионова открывают огонь без пристрелки – сразу на поражение. А если учесть, что японцы нас даже теоретически не могут достать, то все происходящее выглядит каким-то избиением младенцев. Жуть!

Сначала мы просто не могли ничего увидеть из-за сплошной стены водяных столбов. Японский корабль они закрыли полностью. Потом в воздухе мелькнуло ярко-красное дни-

ще, бешено вращающиеся винты, перо руля... И все. На поверхности остались лишь обломки когда-то грозного корабля. «Адмирал Ушаков» немедленно задробил стрельбу, но еще две-три минуты в воду падали уже выпущенные снаряды, убивая последних выживших японских моряков.

– Песец котенку, – вздохнул контр-адмирал Ларионов, – утоп бедняга. Дело явно не обошлось отдельными заклепками. Наверное, еще и пару листов обшивки вынесло напроочь.

Уцелевшие три броненосных крейсера берут право на борт, пытаясь присоединиться к отходящей от Порт-Артура четверке броненосцев. Это уже разгром. Уничтожено семь бронепалубных и один броненосный крейсер. Тяжело повреждены – да так, что не смогут уклониться от навязанного им боя – два броненосца и один броненосный крейсер.

Тем временем от Прохода японцев атакует адмирал Старк. Русские броненосцы расстреливают искалеченную «Микасу» со своей любимой дистанции – пятнадцать кабельтовых. Сегодня они выбирают дистанцию боя – именно ту, на которую натренированы их комендоры, и на которой эффективны их бронебойные снаряды.

Команда, и наш отряд берет право на борт, ложась на курс, параллельный курсу японских броненосных крейсеров. Для них еще ничего не кончилось, а ракурс у нас теперь такой, что по ним могут работать и «Москва», и обе башни «Адмирала Ушакова».

**10 февраля (28 января) 1904 года, 15:45.
Порт-Артур. НП флота на Золотой горе**

**Наместник Е.И.В. на Дальнем Востоке,
адмирал Алексеев Евгений Иванович**

Его Высокопревосходительство Наместник Е.И.В. на Дальнем Востоке, полный адмирал, Алексеев Евгений Иванович был в смятении. Русский флот с началом войны оказался на положении слабейшего. И все из-за вероломного и внезапного нападения японцев и штабных выкрутасов контр-адмирала Витгефта, загнавшего корабли эскадры черт знает куда. Взять, к примеру «Варяг», зачем-то отправленный в Чемульпо. Для помощи российским дипломатам там вполне хватило бы и одного «Корейца». Вот и сейчас японцы вторые сутки ищут способы, как бы с наименьшими потерями добить поврежденные русские корабли, а командующий Первой Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Оскар Викторович Старк мечется, пытаясь прикрыть от огня своих подранков.

Собственно, адмирал Алексеев пропустил момент, когда три невесть откуда появившихся крейсера под андреевскими флагами принялись рвать огнем хвост японской колонны.

При полном отсутствии дымов немудрено было не заметить догоняющие японцев серо-голубые стремительные силуэты. И лишь огненный фонтан, взметнувшийся в небо на месте гибели одной из японских «собачек», привлек внимание его Высокопревосходительства. А дальше адмирал Алексеев, всегда внешне сдержанный и лишь изредка позволявший себе вспышки начальственного гнева, уже не скрывал своих чувств. Внезапная дерзкая и результативная атака быстрогоходных русских кораблей на растерявшегося противника привела Алексеева в превосходное настроение. Ну а как же: если они несут андреевские флаги – значит, русские. Только надо выяснить, почему его не предупредили о приходе этого отряда. Отряд контр-адмирала Вирениуса, «Ослябю» с «Авророй» ждем-с, а этих – нет. Наверняка корабли новые, и из-за угрозы войны пришли в Порт-Артур прямо из Америки (или где их там построили) без предварительного захода в Кронштадт. Вот под Шпицем про них и забыли! Бардак-с! Генерал-адмирала давно уже ничего не интересует, кроме элитных актерок под французское.

Напоследок «кавалеристы» (так адмирал Алексеев мысленно стал называть подошедший отряд за скорость, приличествующую миноносцам, и лихость атаки) обстреляли концевой японский броненосец, который сразу вывалился из строя и, неуправляемый, заложил циркуляцию в сторону крепостных верков, пересекая ту невидимую черту, за которой береговые батареи Крепости могли сказать свое веское

слово.

И они его сказали.

Пока адмирал Алексеев со слезами на глазах возносил благодарственную молитву Господу Богу, батареицы устроили показательный расстрел японского подранка с элементами состязания. Типа «кто первый попал, того и ордена». Ордена, конечно, по праву должны были заработать батареицы с Электрического Утеса. Во-первых, за наибольшую меткость, а во-вторых, только их десятидюймовые снаряды смогли пробить японскую броню.

Но и это было еще не все. Когда с головного «кавалериста» высоко в небо стартовал ракетный снаряд, упав после этого прямо на «Микасу», все на НП – от адмирала Алексеева и до матроса 1-й статьи сигнальщика Чучуткина – раскрыли от удивления рты. Увидев, что после повреждения своего флагмана японская броненосная эскадра смешалась, теряя строй, а броненосные крейсера, забыв обо всем, погнались за «кавалеристами», Алексеев хлопнул растерявшегося сигнальщика по плечу, чуть было не сбив его с ног.

– Сигнал, раззява! – возбужденно проорал он. – Эскадре атаковать врага!

Сверху было хорошо видно, как «Петропавловск», «Полтава», «Пересвет», «Победа» и «Севастополь», набирая ход, пытались охватить голову японского отряда и поставить его в два огня. Четыре японских броненосца, бросив своего флагмана и пользуясь преимуществом в скорости, стали быстро

отходить на юго-восток. Преимущество быстро смещалось в сторону русских. Тем более что пока адмирал любовался, как идет в атаку эскадра Старка, «кавалеристы» каким-то образом умудрились один броненосный крейсер повредить (причем изрядно), а другой вообще утопить.

Приближалась развязка. Алексеев понял, что сегодня ни один японский корабль от Порт-Артура не уйдет. Отдав распоряжение своему флаг-капитану капитану 1-го ранга Эбергарду следовать за ним, Наместник сел в ожидающую его коляску. У берега под горой, на случай если его Высокопревосходительству понадобится срочно прибыть на эскадру, его ждал адмиральский катер с разведенными парами. Не вице-адмирал Старк, а он, его Высокопревосходительство Наместник Алексеев, должен первым встретить героев, уничтоживших эскадру адмирала Того.

**10 февраля (28 января) 1904 года, 16:15,
внешний рейд Порт-Артура. РК «Москва»**

Капитан 1-го ранга Всеволод Федорович Руднев

«Москва» и «Адмирал Ушаков» легли на курс, параллельный курсу трех японских броненосных крейсеров, и уравняли скорости. Как мне сказали, восемнадцать с половиной

узлов вместо двадцати – машины тяжелых японских кораблей уже начали задыхаться от перенапряжения, малорослые и физически слабые японские кочегары оказались просто не в состоянии поддерживать длительное время напряженный темп работы. А корабли наших потомков, оказывается, вообще не имеют кочегаров – жидкое топливо, господа, жидкое топливо! И бункеровка в море, с танкера – сплошное удовольствие по сравнению с тем адом, каким является погрузка угля.

Но дело не только в этом. После определенного времени работы на максимальных оборотах в машинах резко возрастает вероятность серьезных поломок: лопаются трубки в котлах, плавятся подшипники или происходит еще нечто подобное... Очевидно, японские крейсера уже выбрали свой лимит экстренного хода, когда погнались за нами, выжимая из машин максимальную скорость. Ну, а мы идем наперерез четырем удирающим от нас полным ходом японским броненосцам. Судя по курсу, они не собираются возвращаться на якорную стоянку у островов Элиота, а мчатся куда-то в открытое море. Куда? Пока не ясно. Пробую вспомнить карту этой части Желтого моря.

Если они продолжают идти тем же курсом, то примерно через шестьсот миль они будут в Сасебо на острове Кюсю, или в Кобе – на острове Цусиме. Повернув на юго-запад, через сто двадцать миль японские корабли окажутся в Вэйхавее. Но для них это катастрофа: там им грозит интернирование

или неравный бой со всей русской эскадрой. Туда они пойдут, только будучи уверены, что Британия тоже вступит в войну с Россией – однако это маловероятно. Британцы намерены пакостить нам чужими руками, а не лезть в смертельную схватку с разъяренным русским медведем.

К примеру, оказавшись в Чемульпо перед лицом превосходящих сил, коммодор Бейли не стал заявлять протесты, а скромно промолчал. Что, конечно, не означает, что он же при первой возможности не сделает нам какую-нибудь гадость. Я говорю «нам», не разделяя Российской империю и наших потомков, которые, хоть и намерены держаться несколько обособленно из-за значительно поменявшегося образа жизни, но тем не менее являются русскими людьми и абсолютно не воспринимаются мною как иностранцы. Контр-адмирал Ларионов сегодня днем, прямо перед боем сказал мне: «Поймите, Всеволод Федорович, Россия – наша мать, а мы ее дети. Взрослые дети, со своей жизнью и своей судьбой. Но кто нашу мать обидит, тот и трех дней не проживет...»

Да-с, позиция, достойная всяческого уважения. Кстати, сейчас она подтверждается самым наглядным способом. Остатки японского флота обречены на полное истребление, хотя они об этом пока и не догадываются.

Внезапно «Североморск» выходит из колонны, где он был замыкающим, и начинает обходить нас, вырываясь вперед едва ли не тридцатиузловым ходом. Чуть накренившийся, с

огромным буруном под форштевнем и белой кипящей полосой кильватерного следа, он был просто прекрасен. В наши дни такое способны проделывать только в двадцать раз меньшие по водоизмещению миноносцы. Обогнав нас, он открыл огонь из своих орудий по японским броненосцам. Снаряды рвутся в воздухе под носом у головного корабля, что по неписаным морским законам означает предложение сдаться. Японские броненосцы идут дальше, игнорируя обстрел. Башня «Москвы» уже повернута в сторону броненосных крейсеров, находящихся от нас на правом траверзе в шестидесяти пяти кабельтовых. Отсрочка, данная им по каким-то соображениям, истекла.

Первая короткая очередь, по пять выстрелов на ствол. Грохот выстрелов, разрывающий уши, и пороховой дым, сносимый прямо на нас с контр-адмиралом Ларионовым. Для военного моряка нет слаще запаха... И опять огонь без пристрелки. Снаряды падают под форштевни японским кораблям. Фонтаны воды от разрывов взлетают выше мачт. Чем же начинены эти снаряды, что рвутся с такой силой? «Адмирал Ушаков» обстреливает сразу две цели. Война, начатая японцами по указанию из Лондона, являет им свой беспощадный лик.

Совершив поворот «все вдруг», японские крейсера ложатся на курс к берегу. А оттуда накатываются на них русские броненосцы. Они уже прошли в пятнадцати кабельтовых под носом у еле ползущей «Микасы», превратив броне-

носец в развалину. И теперь они преследуют отступающий отряд. Но вице-адмиралу Камимуре, наверное, больше нечего терять, и порт-артурские броненосцы кажутся ему меньшим злом, чем вынырнувшие из морской пучины демоны. Что, собственно, не спасает его от нежных шлепков по заднице со стороны комендоров кораблей из будущего.

– Антицусима... – проворчал контр-адмирал Ларионов, и отвернулся, чтобы скрыть слезы.

Потом он пояснил, что в Цусимском сражении некоторые наши корабли были уже устаревшими и не имели нужной скорости, чтобы оторваться от преследующих их японцев. А для ведения артиллерийского боя им недоставало дальности орудий. Так, расстрелянный японцами с безопасного для них расстояния погиб старый крейсер «Дмитрий Донской»...

Теперь же Господь в точно такое же положение поставил японские корабли. Средний в японском строю крейсер после очередной серии попаданий внезапно завалился, выписывая синусоиды, словно пьяный кучер, идущий из трактира. Совсем как «Варяг», когда ему перебили рулевой привод. Наверное, его командир теперь вынужден управляться машинами.

– Всеволод Федорович, нам надо, чтобы эти твари сдались, – процедил сквозь зубы адмирал Ларионов. – Что вы можете посоветовать? Ну пусть не нам, пусть Наместнику Дальнего Востока...

Я даже и не знал, что сказать. Судя по всему, при внешней сохранности надводной части состояние корпуса ниже ватерлинии у этих крейсеров было плачевным. В бинокль я видел, что они уже изрядно погрузились в воду, и тем самым подошли к опасному пределу, за которым лежит полная утрата плавучести и мгновенная гибель. «Варяг» получал в основном надводные повреждения, потому и смог так долго продержаться против сильнейшего противника. Но если бы японцы имели на своих снарядах взрыватели не мгновенного действия, а сходные с теми, что используют артиллеристы из будущего, то мы погибли бы минут через пять, как ни прискорбно в этом сознаваться... Ибо подводная часть нашего крейсера была еще слабее, чем у японских броненосцев-недомерков.

Но японцы в таких случаях стоят непоколебимо, как скалы. Их можно взорвать, а уговорить подвинуться – нет. Этому меня научило длительное общение с командиром «Чиоды» капитаном 1-го ранга Мураками во время нашей долгой стоянки рядом с ним в Чемульпо.

Пока я размышлял над этим, решение пришло само. Примерно в двадцати кабельтовых впереди нас «Североморск» вышел в позицию для минной атаки. Командиры японских кораблей не вняли предложению сдаться, и теперь им предстояла расплата за упрямство. Сначала я не понял, на что указывает мне Виктор Сергеевич, и почему «Североморск» принял чуть влево, разворачиваясь к японским броненос-

цам правым бортом. Я поднял бинокль и успел увидеть, как за борт нырнули тяжелые металлические рыбыны. Всплеск, пенная дорожка следа по воде... Очень быстро движутся русские мины – просто невозможно, чтобы что-то материальное двигалось под водой с такой огромной скоростью...

Выпустив мины, «Североморск» закладывает крутую левую циркуляцию и уходит с линии огня японских комендоров. Головная башня переднего японского броненосца стреляет, но снаряды рвутся в кильватерной струе, далеко за кормой «Североморска». Он будто смеется над ними.

И тут до цели доходит первая мина. Под концевым броненосцем, примерно в районе боевой рубки, вдруг стеной встает вода. Секунду позже – второй взрыв, теперь уже шимозный, с выбросом огромным облаком густого черного дыма. Корабль разламывается пополам. Мгновение – и на том месте, где он только что он был, нет уже ничего, кроме плавающих обломков.

Не прошло и несколько секунд, как гибель настигла следующий в строю японский корабль. На этот раз мина ударила точно в его середину, после чего взорвались котлы броненосца. Взрыв сопровождался выбросом огромной тучи пара и раскаленного шлака, перемешанного с золой. Его гибель тоже была мгновенной.

На следующем в порядке корабле, кажется, успели что-то сообразить, или же мина оказалась нацеленной не совсем точно. Она попала в носовую часть броненосца, прямо за

шпироном. Если бы корабль лежал в дрейфе или двигался с малой скоростью, то, наверное, сумел бы остаться на плаву. У японского броненосца подводным взрывом оторвало носовую часть. Набегающий поток воды выбил перекошенные взрывом переборки, корабль нырнул, в воздухе сверкнули бешено вращающиеся винты. И все... Он пошел ко дну как броненосный крейсер, потопленный «Адмиралом Ушаковым» четверть часа назад. Остался только один броненосец – он пытался подставить приближающейся с огромной скоростью мине корму. Это обычный в наше время способ избежать попадания мины, сбив ее с курса струей воды из-под винтов. За последним броненосцем когда-то грозной эскадры адмирала Того тянулся густой шлейф угольного дыма. Я уже подумал было, что ему посчастливилось, и он избежит гибели, как вдруг «послание» от наших потомков дошло и до него. Их мина, не обращая внимания на поток воды, отбрасываемой винтами обреченного корабля, взорвалась в корме. Несколько саженей корпуса с винтами и рулем оторвало напрочь. В мгновение ока броненосец превратился в некое подобие неуправляемой и несамходной баржи. С ним все было ясно. Теперь команде японского корабля остается только ждать, когда у победителей и до него дойдут руки. Все внимание переключилось на подбитые броненосные крейсера, оказавшиеся между молотом и наковальней. Но неожиданно контр-адмирал Ларионов приказал выйти из боя.

– Почему? – спросил я.

Он с полной серьезностью ответил:

– Мы уже достаточно сделали в этом сражении. Должно же и вашим товарищам из порт-артурской эскадры достаться хоть немного славы? Утопят они этих подранков, если у Камимуры не хватит ума спустить флаг – и тоже почувствуют себя победителями. Мы добились главного – основные силы японского флота уничтожены.

Я вновь поднял к глазам бинокль. Навстречу японским крейсерам строем пеленга, чтобы не мешать ведению фронтального огня, двигались броненосцы «Победа», «Полтава» и «Пересвет». Позади них шел «Петропавловск», закончивший избиение израненной «Микасы». Я подкрутил регулировку резкости. Точно: на фок мачте «Петропавловска» развевался вымпел, обозначающий присутствие на борту Наместника Дальнего Востока Алексеева. Что ж, Евгений Иванович – мой старый знакомец и первый командир. Ведь под его командованием я начинал свою службу мичманом на крейсере «Африка». Я думаю, что мне он поверит. Пора готовиться к нелегкому разговору...

А японские крейсера? Камимура спускает флаг – против неодолимых обстоятельств, вроде тайфуна или цунами, японцы не борются. Скорее всего, принявший такое решение вице-адмирал возьмет всю вину на себя и покончит жизнь самоубийством. Для нас это страшный грех, а у них так принято. Просто ему надо будет соблюсти некоторые формальности и получить согласие своего императора.

Все, пора спускаться в каюту, забрать мой рапорт и специальное послание, которое для меня подготовил господин Тамбовцев со товарищи...

Часть 2. Порт-Артурский рассвет

10 февраля (28 января) 1904 года, 16:35.

Порт-Артур. ЭБР «Петропавловск»

**Наместник Е.И.В. на Дальнем Востоке,
адмирал Алексеев Евгений Иванович**

Эскадренный броненосец «Петропавловск» медленно приближался к неизвестному крейсеру под андреевским флагом. С его мостика Его Высокопревосходительство Наместник Е.И.В. на Дальнем Востоке, полный адмирал Русского Императорского флота, внимательно вглядывался в приближающийся корабль. Таких кораблей просто не могло быть. Но вот он тут: на мачте андреевский флаг, а чуть ниже – вымпел, означающий присутствие на борту командующего эскадрой. Вот башня главного калибра, вот рубка, а больше ни одной знакомой детали: вместо мачт какие-то решетчатые конструкции, предназначенные для чего угодно, только не для парусов. А что это, черт возьми, за толстые трубы, попарно установленные вдоль бортов? Острый глаз Алексеева замечает, что одна из них явно совсем недавно окрашена.

Второй крейсер, идущий в кильватере за первым, выглядит более привычно. Чем-то он напоминает находящийся во Владивостоке «Богатырь». Наверное, только двумя башнями ГК в носу и корме. А в остальном – такая же нелепица.

Но Наместник, как опытейший дворцовый интриган, придержал свое недоумение до нужного момента. А пока нельзя было не признать, что эти корабли красивы. Красивы и смертоносно эффективны. Менее чем за полтора часа они порвали японский флот в клочья, оставаясь при этом за пределами действия вражеских орудий. Такой образ действий не в стиле самого адмирала Алексеева. Он предпочитает поединки боевых линий, составленных из тяжеловесных броненосцев. Но он умеет уважать флотоводческий талант других и, конечно, удачу. Кроме того, только что было наглядно показано, что броня – это еще не панацея. Меньшие силы, обладающие значительным перевесом в скорости и дальности орудий, уничтожили и повредили многократно превосходящего противника. Единственное, что в таком случае нужно – так это простор для маневра. А Порт-Артур – не Чемульпо, простора тут хоть отбавляй.

Флаг-капитан Эбергард показывает на крыло мостика приближающегося крейсера. Евгений Иванович поднимает к глазам бинокль – и отчетливо видит стоящего там Всеволода Федоровича Руднева, командира «Варяга», который в этом самом Чемульпо и должен сейчас находиться. Руднев здесь, а «Варяга» нет – непорядок. Однако это и есть тот са-

мый человек, которому можно задавать вопросы, получая на них ответы. Если он на этом корабле, то он должен быть хоть немного в курсе тех странных дел, что творятся сейчас за пределами Маньчжурии и Квантуна. Потрясенный известиями с Дальнего Востока, Петербург вторые сутки упорно отмалчивается.

Корабли сблизилась правыми бортами и легли в дрейф чуть больше чем в кабельтове друг от друга. Адмирал Алексеев наконец-то смог прочитать название крейсера – «Москва». Ясности это не прибавило. «Москва» – это название для транспорта, а не для боевого корабля. Но это был лишь один из многих вопросов, который ожидал ответа.

А на «Москве» тем временем спускают на воду катер и опускают трап. По трапу сходит капитан 1-го ранга Руднев и еще один офицер в форме, зеленым цветом похожей на пограничную. А это значит, понял Наместник, что сейчас он получит ответы на все мучающие его вопросы.

С правого борта «Петропавловска» тоже спускают трап. От нетерпения Наместнику хочется сбежать вниз, но при его чине так поступить – просто несолидно. Надо, набравшись важности, ждать на мостике, пока новости сами не поднимутся к нему. Но, кажется, недолго осталось ждать. Катер уже отошел от трапа и направился к «Петропавловску».

«Бензиновый», – машинально отметил про себя Наместник. – В Порт-Артуре такие только на броненосцах: „Ретвизане“ американской постройки и „Цесаревиче“ – француз-

ской».

**10 февраля (28 января) 1904 года, 16:55,
Порт-Артур. ЭБР «Петропавловск»**

Капитан Александр Тамбовцев

Поднимаемся по трапу на борт «Петропавловска». Всеволод Федорович идет впереди в некоторой задумчивости. Просто уже в катере я сообщил ему то, о чем надо было сказать с самого начала – что там, в нашем времени, «Москва» является флагманом Черноморского флота. Но во Владивостоке, во флоте Тихоокеанском, ее систершип, что носит гордое имя «Варяг», тоже, кстати, флагман флота. Вот и задумался человек над вопросом, что было бы, если бы в наших краях оказалось сказу два «Варяга»: старый и молодой... Ну, и о роли его поступка в истории тоже... Хотя по моему мнению, топить «Варяг» после боя надо было все же поперек фарватера – и пусть японцы возились бы с ним полгода, а то и поболее.

Но Всеволод Федорович все-таки мягкий человек – пожалел иностранные стационары, которые фактически сдали его японцам. И зря. Потому что там или макака подохнет, или медведь проснется.

И тут мы сняли остроту проблемы своим вмешательством. Как передали с «Кузнецова», стационары уже расползлись из Чемульпо во все стороны. Только итальянец задерживается. У них, у итальянцев, поблизости нет своих баз, и прежде чем уходить в Европу, фактически на другой конец света, сеньор Риччи Бореа желает связаться со своим командованием и испросить инструкций.

Ну и на здоровье – платы за постой мы пока не берем, телеграф заработает не раньше, чем мы вычистим с островов Элиота японскую базу и не вернем туда русских телеграфистов.

На верхней площадке трапа нас встречает вахтенный. Откозыряв, он ведет нас наверх, на командирский мостик, где как тигр по клетке в нетерпении прогуливается первое после царя лицо на Дальнем Востоке, Наместник Е.И.В. адмирал Алексеев – главнокомандующий и прочая, прочая, прочая... Поднимаемся по крутому трапу на высоту трехэтажного дома – это если считать от палубы, а от ватерлинии так и вообще потянет на все пять этажей. Тот, кто когда-нибудь стоял на крыше пятиэтажки, меня поймет.

Там, наверху, несколько офицеров, и среди них я сразу узнаю Наместника. Его ни с кем не перепутаешь. Большой покатый лоб, борода лопатой и напряженный взгляд маленьких глаз. Чуть позади него – вице-адмирал Старк, лицо в нашей истории несамостоятельное и второстепенное. Служака, всего лишь исполняющий вышестоящую волю. Разгова-

ривать с ним ни к чему, да и не о чем. Все равно от него ничего не зависит, на каком бы посту он ни был. Это не Макаров, и не тот же Алексеев, которые на своем будут стоять до конца.

Козыряем стоящему прямо у трапа командиру «Петропавловска» капитану 1-го ранга Николаю Матвеевичу Яковлеву – и Всеволод Федорович, подобно буксиру, влекущему баржу, тянет меня вперед, к эпицентру всего сущего. В левой руке у меня вполне увесистый дипломат, набитый всем тем, что необходимо при первом контакте.

Не доходя до Наместника трех шагов, капитан 1-го ранга Руднев козыряет и произносит:

– Здравия желаю, Ваше Высокопревосходительство! Докладываю вам, что в результате вероломных действия японского флота крейсер «Варяг» был вынужден вступить на внешнем рейде Чемульпо в неравный бой с шестью крейсерами противника. Одним из атаковавших нас крейсеров был броненосный крейсер «Асама»...

Услышав это, офицеры на мостике зароптали, а Наместник нахмурился; Руднев же бодро продолжил:

– В этом бою «Варяг» получил тяжелые повреждения, и если бы не подоспевшая помощь, – он кивнул в сторону «Москвы», – то нам, пожалуй, пришлось бы всем погибнуть. Все прочее, Ваше Высокопревосходительство, является сугубо секретным и может быть сообщено вам только с глазу на глаз. Да, – Всеволод Федорович повернулся ко мне, – дол-

жен представить вам капитана Тамбовцева Александра Васильевича, офицера по особым поручениям при командующем вырубившей нас эскадры. При нем находятся конфиденциальные документы чрезвычайной важности.

Наместник прищурился, будто оценивая меня – видно, его удовлетворил мой внешний вид, и он кивнул. Да, двадцать лет в запасе, но мастерство не пропьешь: надел мундир – и он снова как влитой. В моей работе это важный фактор, ибо встречают, как говорится в пословице, «по одежке».

А Наместник Алексеев, выдержав паузу, почти точь-в-точь по Станиславскому, задумчиво произнес:

– Ну что ж, господа... Тогда прошу вас в адмиральскую каюту, там и поговорим. Андрей Августович, – обратился он с своему флаг-капитану Эбергарду, – будьте любезны последовать за нами.

**10 февраля (28 января) 1904 года, 17:05,
Порт-Артур. ЭБР «Петропавловск»**

Капитан Александр Тамбовцев

В адмиральской каюте открыта броневая створка иллюминатора и отдернута штора, впуская внутрь красноватый свет предзакатного солнца.

Первым делом Всеволод Федорович протягивает Наместнику Алексееву пакет со своим рапортом.

– Ваше Высокопревосходительство, здесь детальное изложение того, что происходило в Чемульпо с 20 числа января сего месяца до вчерашнего дня...

Тот цепляет на нос очки, разрывает пакет и отходит к иллюминатору – читать. По мере чтения его Высокопревосходительство несколько раз хмыкает, передает прочитанные листы капитану 1-го ранга Эбергарду, снова читает, снова хмыкает...

Потом смотрит на нас с Рудневым поверх очков и произносит:

– Ну-с, господа, с японцами все понятно, эти их азиатские хитрости я давно предвидел, да руки были связаны-с. Но как вы объясните вот это... Крейсер «Асама» неожиданно взорвался и мгновенно затонул. Впрочем, непонятна и неожиданная гибель четырех других японских крейсеров. Один «Чиода» был потоплен по-человечески – сосредоточенным огнем «Варяга» с «Корейцем» при попытке то ли минной атаки, то ли тарана. Или сей вопрос для меня сможет прояснить господин Тамбовцев?

И улыбочка такая у него ехидная, в бороду – ведь почувал что-то старый волк... Что же, придется отвечать.

– Ваше Высокопревосходительство, по японской эскадре было применено оружие, не имеющее аналогов в вашем времени... Ну, разве что ракеты Засядько, как отдаленный про-

ТОТИП...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.